

НИКОЛАЙ
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

КАМНИ РАЗДОРА

Алексей Викторович Макеев
Николай Иванович Леонов
Камни раздора
Серия «Полковник Гуров»
Серия «Черная кошка»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70338868

Камни раздора: Эксмо; Москва; 2024

ISBN 978-5-04-199681-9

Аннотация

Легендарный детективный тандем Леонов – Макеев.

Полковник МВД Лев Гуров отдыхает у своего друга в доме на берегу Волги. Идиллию нарушает живущий по соседству миллиардер Егоров. В ужасе он сообщает, что во время прогулки его жена упала с обрыва и, видимо, погибла. Однако на месте происшествия тело не обнаружено. Местная полиция списывает все на несчастный случай. Но опытный Гуров подозревает, что имеет дело с искусно обставленной инсценировкой. Предположения сыщика усиливают новые жалобы Егорова. Тому по ночам стала являться «мертвая» жена и обвинять его в совершении преступления. Гуров изучает прошлое госпожи Егоровой и выясняет, что «скелеты в ее шкафу» намного страшнее той мистики, которая привиделась миллиардеру...

Николай Леонов, в прошлом следователь МУРа, не понаслышке знал, как раскрываются самые запутанные уголовные дела. Поэтому каждая его книга – это правдивая захватывающая история с непредсказуемой интригой и неожиданным финалом. Главный герой этих книг, полковник Лев Гуров – сыщик высокого класса, к тому же с массой положительных человеческих качеств. Его уважают друзья, боятся враги и любят женщины. Он – настоящий отечественный супермен. Романы о Льве Гурове вот уже сорок лет неизменно привлекают поклонников отечественного детектива.

Содержание

Камни раздора	9
Глава 1	9
Глава 2	19
Глава 3	30
Глава 4	40
Глава 5	52
Глава 6	62
Глава 7	73
Глава 8	86
Глава 9	95
Глава 10	108
Глава 11	118
Глава 12	132
Глава 13	143
Конец ознакомительного фрагмента.	152

Николай Леонов, Алексей Макеев Камни раздора

© Макеев А.В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2024

* * *

Николай
ЛЕОНОВ

Алексей
МАКЕЕВ

КАМНИ
РАЗДОРА

Москва
2024

Камни раздора

Глава 1

– Ну и что ты теперь скажешь, Лев Иванович? – спросил Константин Приходько своего друга Гурова, когда вечером они причалили к берегу и стали выгружать из лодки свой улов.

– Что скажу? – отвечал знаменитый сыщик, а сейчас – просто отпускник Гуров. – Скажу, что давно не отдыхал с таким удовольствием, как здесь. Ну и улов тоже знатный, не поспоришь. Но знаешь что? Даже если бы мы ни одной уклейки не поймали, я все равно был бы доволен.

– Вот видишь! – заключил хозяин лодки. – А ты еще ехать не хотел, уговаривать тебя пришлось!

Полковник Лев Гуров проводил отпуск в загородном доме друга юности, инженера Константина Юрьевича Приходько. Тот уже давно уговаривал своего старого друга отдохнуть на Волге, но Гуров все колебался. И вот теперь согласился – и не жалел.

Дом Приходько (довольно скромный дом, надо сказать) был расположен в дубовом лесу недалеко от берега Волги. В этом районе знаменитых Жигулей берег был высокий, обрывистый. К воде не везде можно было спуститься, только

в некоторых местах, где был устроен спуск. И гулять вдоль обрыва следовало с осторожностью – внизу, под обрывом, виднелась крупная галька, камни, а дальше плещется река. А высота обрыва в этих местах достигала шестидесяти метров. Зато какой вид отсюда открывался! Приходько специально врыл недалеко от обрыва удобную скамью, и по вечерам друзья нередко на ней сидели, беседовали о разном. Иногда компанию им составляла супруга Константина Юрьевича Елизавета Петровна, или просто Лиза. А иногда Лиза не могла составить компанию мужчинам – это если они улов большой привезли, ей приходилось с рыбой возиться.

Гуров давно не брал в руки удочку и, когда ехал на Волгу, опасался, что рыбак из него получится аховый – навыки он растерял. Но его опасения оказались напрасными – рыбацкие навыки быстро восстановились, и места тут были рыбные, так что Гуров добывал столько же, сколько и его многоопытный в рыбацком деле друг.

– Сейчас сдадим Елизавете нашу добычу, и надо будет ей помочь с ней управиться, – сказал Приходько, когда они уже несли сетку с рыбой наверх, к дому.

– Я всегда готов помочь Лизе, – отозвался Гуров. – Только раньше ты почему-то не горел желанием ей помогать, мы с тобой на обрыв уходили гулять. А почему сегодня ты вдруг взялся жене помогать?

– Потому что сегодня мы приглашены в гости к соседям, – объяснил Приходько. – В соседях у меня мой друг по работе

в «Техноприборе» Вадим Егоров. Да ты видел его усадьбу, когда мы сюда ехали, я ее тебе показывал.

– Это не тот навороченный особняк в три этажа, с каминной трубой?

– Он самый. Дом у Вадима, конечно, не то что мой – там настоящий домина.

– Что-то мне не хочется в эту домину в гости идти, – признался Гуров. – Не люблю я миллионеров, я на них в Москве нагяделся. Знаю я, как там вечер будет проходить. Хозяин весь вечер будет хвастаться своим богатством, какая у него коллекция кинжалов, или греческих амфор, или еще каких-то редкостей. И будет говорить только он, никому и слова не даст сказать. Нет уж, вы давайте с Лизой идите, раз вас пригласили, а я дома останусь. Погуляю, книжку какую почитаю...

– Насчет Вадима ты ошибаешься, – отвечал Приходько. – Вадик – человек нормальный, богатство его не испортило. Это, наверное, потому, что досталось оно ему трудом. Я же говорю, мы вместе работали, и каждый в нашем конструкторском бюро что-то придумывал, у каждого были какие-то изобретения. И вот Вадик изобрел измерительную аппаратуру, которая пригодна к использованию на всех нефтяных и газовых скважинах. Мы, его коллеги, тоже что-то придумывали, но он один догадался свое изобретение запатентовать. А поскольку в то время уже начали открываться кооперативы, то он ушел из госструктуры и создал свой соб-

ственный кооператив. И стал выпускать эти свои аппараты, и продавать их газовикам. Так он и составил свое состояние. Ну а позже у него и другие источники богатства появились: он акции стал покупать, деньги в разные компании вкладывать. И всегда удачно, заметь. Надо сказать, тут он подал мне пример. Я тоже, хоть и с опозданием, создал свой кооператив и начал свои наработки применять. Так я заработал вот на этот дом, и на машину, и сыну смог квартиру купить. А еще один наш коллега, Боря Воронов, упустил момент, все держался за свою инженерскую должность в «Техноприборе». В итоге остался ни с чем и сгинул без следа. И богатство от него ушло, и любовь, а потом и жизнь.

– Какие драмы, однако, в вашей технической структуре разыгрывались! – заметил Гуров. – Это почему же ваш коллега Воронов сразу все упустил?

– Видишь ли, – сказал Приходько, понизив голос, хотя они все еще поднимались по крутой лесенке вдали от дома и услышать их никто не мог, – мы все трое – Вадим, Боря Воронов и я – были влюблены в одну нашу молодую коллегу, Юлю Кузнецову. И у Бориса, как человека речистого и собой красивого, было больше шансов. Но тут Вадим стал богатеть, резко изменил образ жизни – и этим привлек сердце прекрасной Юли. Так что она стала его женой и остается ею по сей день. Когда пойдем в гости, ты ее увидишь. Ну а Борис потерял все: «Техноприбор» наш вскоре закрылся, как убыточное предприятие, Юля ушла к коллеге, и свою до-

рогу в новой жизни он найти не сумел. Пробовал то там работать, то здесь – а в итоге уехал куда-то на Дальний Восток, жил там анахоретом, а потом вообще застрелился. Вот такая печальная история.

– Ну на тебя уход женщины к этому Вадиму не подействовал таким роковым образом, – заметил Гуров.

– Нет, на меня не подействовал, – согласился Константин Юрьевич. – Потому что я в общем-то не слишком увлекался Юлией Аркадьевной – так, скорее за компанию. У меня вскоре с Лизой все сложилось. Лиза даже не знает, что у нас с Юлией когда-то что-то намечалось. Так что ты про это не упоминай при ней.

– Буду нем, как вот эта пойманная нами рыба, – обещал Гуров.

Следующий час все в доме были очень заняты: обрабатывали улов. Часть рыбы отправили на вяление, часть пожарили. Затем все, и хозяева, и гости, привели себя в порядок, переоделись и отправились в соседнюю усадьбу. Здесь, как выяснилось, их уже ждали: ворота были гостеприимно распахнуты, у ворот гостей ждал представительный мужчина лет сорока в костюме-тройке и галстук. Гуров решил, что это и есть удачливый изобретатель и хозяин усадьбы. Однако оказалось, что человек в костюме – всего лишь управляющий усадьбой Игорь Сергеевич Безруков.

– Заходите, заходите, гости дорогие, – приветствовал он Гурова и супругов Приходько. – Вас уже ждут.

– Вот, это вам, – сказал в ответ Приходько, вручая управляющему корзину с двумя выловленными вечером сазанами. – Если успеете пожарить, то сможете порадовать и себя, и Вадима Александровича, и всех остальных.

– Сейчас же отнесу на кухню, отдам Егору, – кивнул Безруков. – Он умеет быстро рыбу жарить. Так что, думаю, мы ее сегодня отведаем.

И, закрыв калитку, он поспешил в дом. Гости не торопясь последовали за ним. Спешить здесь совершенно не хотелось – обстановка к этому не располагала. Они шли через парк, проходили мимо пышных цветников, обогнули пруд, в котором плавали совсем не карпы или сазаны, а золотые рыбки. И вот перед ними предстал сам дом, явно построенный по индивидуальному, не типовому, проекту – тут чувствовалась рука хорошего архитектора. На пороге дома гостей ждал невысокий плотный человек в джинсах и простенькой майке. Это и был хозяин усадьбы, миллионер Вадим Егоров.

– Привет, Константин, здравствуй, Лиза, – приветствовал он пришедших. – И кого же я еще вижу? Знаменитого сыщика Льва Ивановича Гурова! Рад вас видеть в своем доме, Лев Иванович. Надеюсь, здесь вам не придется напрягаться, что-то расследовать – здесь вы будете только отдыхать и наслаждаться дружеским общением. А также хорошим вином и нашей кухней, у нас прекрасный повар, он вас порадует! Проходите, проходите!

И хозяин отступил в сторону, пропуская гостей в дом.

– А где же хозяйка? – спросила, входя, Лиза Приходько.

– Хозяйка выбирает подходящий наряд, – отвечал Егоров. – Когда она узнала, что у нас сегодня будет не кто-нибудь, а сам Лев Гуров, она только и думала, как будет выглядеть. Так что она предупредила, что спустится прямо к столу, к ужину. Ну и остальные тогда придут. А я пока покажу нашему гостю дом.

И Егоров повел Гурова по дому. Сыщик увидел гостиную, бильярдную, танцзал, зимний сад, библиотеку, комнаты для гостей и даже кабинет хозяина. Ему все понравилось. Нигде не видно было показной, помпезной роскоши, которой часто отличаются дома богачей. Везде чувствовался строгий вкус. А еще Гуров заметил на стенах десятков картин – явно не копий, а оригиналов. А поскольку он был знаком с молодыми московскими художниками – как-то сталкивался с ними, когда расследовал дело о хищении произведений искусства, – то узнал авторов некоторых работ.

– А это, случайно, не Степановой полотно? – спросил он, указывая на одну из картин.

– Точно, это вещь Степановой, – подтвердил Егоров. – А вы, оказывается, знаток!

– Нет, я не волшебник, я только учусь, – ответил сыщик привычной фразой. – И к знатокам себя не причисляю. Но я немного знаком с московскими художниками, бывал в их мастерских. Хочу заметить, что мне не все в новой живописи

нравится. Но то, что вы собрали, – это в моем вкусе.

Тут в дверях кабинета появилась симпатичная девушка в переднике (как выяснилось, это была горничная Клава) и сообщила, что стол уже накрыт к ужину и всех просят к столу. Гуров в сопровождении хозяина спустился на первый этаж и вошел в столовую.

Стол сверкал хрусталем, блестел серебром столовых приборов; все говорило о праздничной обстановке. Гурова познакомили с хозяйкой дома Юлией Аркадьевной. Это была красивая дама, довольно высокая, выше мужа и явно моложе его. Она была одета в платье, в котором можно было, наверное, выйти на красную ковровую дорожку в Каннах. Шею Юлии Егоровой украшало бриллиантовое ожерелье, в ушах виднелись такие же серьги.

Кроме хозяина с хозяйкой, за столом также сидели их сын Юрий, молодой человек 24 лет (о нем Гурову сообщили, что он трудится в одном из московских банков, а здесь находится в отпуске), управляющий Игорь Безруков и его дочь Ксения – совсем молодая девушка, блондинка, очень хорошенькая. Ну и гости, конечно. Блюда на столе были самые изысканные – какое-то по-особому приготовленное мясо, закуски, а затем подали и принесенную гостями рыбу, которую повар Егор все же успел приготовить. Впрочем, обилие блюд не мешало общей беседе – она все время оставалась интересной и оживленной. Как отметил Гуров, хозяин дома интересовался, кажется, всем на свете, многое знал и при этом

не старался навязать остальным свое мнение, быть хозяином за столом, как в доме. И еще более интересным человеком оказалась жена хозяина, роковая Юлия Аркадьевна, покорительница мужских сердец. Она, как и муж, разбиралась в живописи, но еще лучше знала московские театры. В ходе разговора выяснилось, что Юлия Егорова успевала побывать на всех спектаклях, о которых хоть что-то писали в прессе. Мало того, Гуров с удивлением выяснил, что хозяйка дома знала его жену, Марию, слушала в ее исполнении партию в опере «Тоска» и весьма высоко о ней отзывалась.

В общем, атмосфера за столом была праздничной, общение доставляло удовольствие, и Гуров не заметил, как пролетели то ли три, то ли четыре часа. Он сердечно попрощался с хозяином и хозяйкой, и вместе с супругами Приходько они направились назад, в их скромный дом.

– Ну что, ты не жалеешь, что принял приглашение и сходил в гости к миллионеру? – спросил его Константин Юрьевич.

– Нет, не пожалел, – честно ответил сыщик. – Да и как о таком вечере можно жалеть? Тут скорее пожалеешь, что вечер так быстро кончился. Ты оказался прав: твой сосед совсем не похож на обычного богача, он интересный человек. А его супруга, эта самая Юлия, вообще выше всяких похвал. Теперь я понимаю, почему не только Егоров, но и... как ты его назвал? Ах да, Воронин тоже был от нее без ума. Вообще мне показалось, что у них очень дружная, счастливая семья.

Семья, в которой не могут случиться никакие ссоры.

– Ну я бы так не сказала, – заметила Лиза Приходько. – Это на ваш, мужской, взгляд Юля Егорова кажется ангелом. А вот я вижу в ней что-то злое.

– Это в тебе, дорогая, говорит обычная женская ревность, – отвечал на это ее муж.

Лиза не стала спорить, настаивать на своем – это было не в ее характере.

Глава 2

Весь следующий день Гурову вспоминался прекрасный вечер, проведенный в доме Егоровых, вспоминались рассказы хозяина, шутки управляющего Безрукова, точные замечания Юлии Егоровой. Он вспоминал об этом и во время рыбалки, и позже, за обедом, и уже под вечер, когда отправился на прогулку к обрыву. Погода была отличная, солнце садилось за дубовую рощу, освещая противоположный берег Волги, луга за рекой. Настроение у сыщика было прекрасное; он думал о том, что давно так не отдыхал, как здесь, в Жигулях.

Внезапно он заметил человека, бегущего в его сторону вдоль обрыва. Причем человек не просто бежал – он мчался так, словно за ним гнались, словно его преследовала сама смерть. Он спотыкался о торчащие корни деревьев, несколько раз падал, но снова устремлялся вперед. Гуров недоумевал: кто этот чудак, несущийся по волжскому обрыву так, словно совершает забег по стадиону? Когда бегущий приблизился, сыщик с удивлением узнал в нем хозяина соседней усадьбы миллионера Егорова. Впрочем, сейчас это был совсем другой человек, его словно подменили: лицо красное, покрытое белыми пятнами, глаза расширены...

– Что случилось, Вадим Александрович? – спросил Гуров, когда бегущий приблизился. – Почему вы так спешите?

– Скорей! – крикнул в ответ Егоров. – Надо скорее спуститься, чтобы помочь... Может, она еще жива? Как хорошо, что я встретил именно вас! Вы будете свидетелем!

– О ком вы говорите? – встревожился сыщик. – И свидетелем чего я должен быть?

– Идемте, идемте скорей, нельзя терять времени, – задыхаясь, произнес в ответ Егоров. – Я по дороге... по дороге все расскажу. Где-то здесь есть спуск... Ага, это здесь! Идемте!

И он увлек сыщика к лестнице, по которой Гуров и Приходько каждый день спускались к реке, к лодке. Надо сказать, что с обрывистого берега реки в этом районе можно было спуститься лишь в нескольких местах. Возле усадьбы Егоровых такого удобного спуска не было, и когда обитатели усадьбы хотели подойти к Волге, они шли сюда, к дому Приходько.

Пока миллионер и сыщик бегом спускались по лестнице, Егоров на ходу, то и дело сбиваясь, постарался рассказать, что с ним случилось.

– Мы с Юлей отправились на прогулку, – говорил он. – Мы каждый день там гуляем. Проходим через рощу, делаем круг, потом идем вдоль обрыва. Сегодня жена почему-то была не в духе. Она накинулась на меня с обвинениями, я ей невольно отвечал тоже на повышенных тонах... В общем, мы поссорились.

– Вы ссорились? – удивился Гуров. – Это странно. Вчера

вы показались мне на редкость дружной семьей...

– Ну у нас есть... всякие обстоятельства... Юлия утверждает, что я слишком много внимания уделяю этой девушке...

– Какой девушке?

– Клавдии, нашей горничной. Юлия говорила, что влюбился, как старый дурак, волочусь за молоденькой... Уверяю вас, это полная чушь! Клава, конечно, девушка симпатичная, милая, и я к ней отношусь соответственно – как к милой девушке, не более того. А еще Юля упрекала меня в том, что я трачу деньги направо и налево, раздаю их всем, кто обратится за помощью. Тут она отчасти права, я действительно много кому помогаю – и органам власти деньги даю на строительство дорог, и простым людям, но ведь это мои деньги, в конце концов! В общем, жена наговорила мне кучу всяких обидных вещей... Она так распсиховалась, что в какой-то момент кинулась на меня, хотела вцепиться мне в лицо. Я ее оттолкнул... Вернее, не толкнул, а сделал такое движение, словно собирался толкнуть... Господи, зачем я это сделал?! Если бы я сдержался, ничего бы не случилось!

Гуров начал догадываться о том, что произошло на обрыве.

– Ваша жена упала с обрыва? – спросил он.

– Да! Там пятьдесят или шестьдесят метров высоты, не знаю точно. А внизу камни! Я глянул вниз – она там лежит! Тогда я кинулся к вам, чтобы кто-то помог...

– Сейчас мы туда подойдем, посмотрим, – говорил Гуров. – Может, худшего и не случилось. Бывают, знаете, удивительные случаи. Я знал человека, который попал в смертельное ДТП, лобовой удар со встречной машиной – и остался жив...

Так он уговаривал Егорова, хотя сам не верил в возможность счастливого исхода. Падение с большой высоты на камни – почти гарантированная смерть. Но, действительно, иногда случаются настоящие чудеса...

Они пробежали по кромке берега около двухсот метров, отделявших одну усадьбу от другой. Сколько ни смотрел Гуров вперед, он нигде не видел лежащего на берегу тела. «Значит, это случилось еще дальше, – подумал сыщик. – Наверное, они во время прогулки отделились вдоль обрыва к северу...»

И тут вдруг он заметил на берегу нечто, что заставило его остановиться. Это было обширное кровавое пятно. Примерно на четыре метра вокруг камни были забрызганы кровью, а в центре пятна между камнями собралась небольшая лужица красной жидкости. Однако тела погибшей женщины нигде не было видно.

– Это здесь случилось? – спросил сыщик у своего спутника. – Она здесь упала?

Егоров во все глаза смотрел на окровавленные камни. Потом поднял голову, оглядел обрыв.

– Да, это то самое место, – произнес он. – Вон видите вот

тот большой дуб? Мы стояли как раз возле него. И вот эта группа камней – я смотрел вниз, куда упала Юля, и ясно видел эти здоровенные булыжники. Да, это то самое место. Но где же она?

– Погодите, я тут кое-что вижу... – произнес сыщик.

Этим «кое-чем» был кровавый след, который тянулся от места падения тела с утеса к воде. Расстояние там было небольшое – метра три, не больше. И на этих трех метрах камни также были покрыты красными пятнами. След обрывался у самой воды. Гуров подошел к реке, глянул в воду, думая увидеть там тело погибшей женщины. Но там ничего не было.

Егоров тоже увидел кровавый след и проделал тот же путь вдоль него, что и Гуров. Теперь он стоял рядом с сыщиком, уставившись в воду.

– Значит, она была еще жива... – прошептал он. – Когда я смотрел на нее сверху, она была жива... Если бы я спустился, я мог ее остановить... спасти... Но я ушел... И тем самым убил ее как бы второй раз... Мне нет прощения!

– Не надо так говорить! – остановил его Гуров. – Если все было так, как вы говорите, то вашей вины в случившемся нет. Ваша жена упала с обрыва, и это несчастный случай. Да, она, видимо, осталась жива, хотя и без сознания. Возможно, очнулась, но была не в себе, знаете, в шоке от падения – и поползла в сторону реки, где упала в воду, а затем утонула.

– Да, но где же она? – стонал Егоров. – Где ее тело?

– Видимо, его унесло течением, – предположил сыщик.

Течение на этом участке реки и впрямь было быстрым и коварным. – Ответить на этот вопрос сможет только расследование.

– Расследование? – с удивлением произнес миллионер. – Что тут расследовать?

– Да, тут обязательно нужно провести расследование, – повторил Гуров спокойно. – Только специалисты смогут установить все обстоятельства случившегося. Надо вызвать сюда водолазов, искать тело на дне. Так что следует звонить в Самару, в тамошнюю полицию. Вы знаете их телефон?

– Нет, откуда? – отвечал Егоров. – Мы никогда не думали, что нам потребуется их помощь...

– Ну это не проблема, телефон я сейчас узнаю, – сказал Гуров. – Вот что, Вадим Александрович. Вы идите пока домой, примите что-нибудь успокоительное, постарайтесь отдохнуть. А я вызову полицию. Может, заодно и «Скорую» вам вызвать?

– Нет, мне помощь не требуется, – отвечал Егоров. – Да, я действительно пойду в усадьбу. Надо будет сказать Юре... Не знаю, как я ему об этом скажу...

И Вадим Александрович медленно, слегка пошатываясь, побрел назад к лестнице, по которой можно было подняться на обрыв. А Гуров достал телефон, позвонил в службу экстренного вызова полиции и там узнал, как нужно позвонить,

чтобы сообщить о происшествии. Тут ему пришлось представиться; конечно, собеседники на другом конце провода знали, кто такой полковник Гуров. Сыщик кратко рассказал, что произошло, назвал адрес усадьбы. Его заверили, что машина с бригадой криминалистов сейчас выедет и часа через два будет на месте.

Закончив разговор, Гуров вновь подошел к кромке воды и попытался взглянуть в речную глубину. В какой-то момент ему показалось, что он видит там, метрах в десяти от берега, что-то похожее на человеческое тело. Но это могла быть и иллюзия. Он уже знал, что в этом районе Волга очень глубокая, возле самого берега глубина превышает десять метров. «Тело могло опуститься на самое дно, а там его подхватило глубинное течение, – размышлял он. – Куда его могло отнести? Только специалисты ответят на этот вопрос».

Затем он подошел к обрыву и снова посмотрел вверх. Нет, у человека, упавшего с такой высоты, не было шансов остаться в живых; тут у Гурова не было иллюзий. У Юлии Егоровой могли сохраниться какие-то совсем малые остатки жизненных сил – это было что-то вроде предсмертных конвульсий, и этих конвульсий ей хватило, чтобы доползти до кромки воды.

Он вспомнил свое вчерашнее впечатление от семьи Егоровых, свои слова, сказанные Косте Приходько – что в Егоровых он увидел дружную, счастливую семью, в которой невозможны никакие ссоры. «Вот как оно бывает, – фило-

софски размышлял сыщик. – Одно неосторожное, резкое слово, в ответ одно неосторожное движение – и счастливой семьи больше нет... Хотя... Как человек я могу верить Вадиму Егорову на слово и оставаться в убеждении, что все было именно так, как он рассказывает. Но как сыщик я не могу принимать его слова на веру. Действительно ли между супругами не было ссоры, а только размолвка? Правда ли, Юлия Егорова упала с обрыва в результате одного неосторожного движения? А не было ли здесь толчка со стороны супруга?»

Он вспомнил несколько случаев – один встретился в его собственной практике, о других он слышал – когда люди выпадали из окон своих квартир либо офисов. Эти случаи было очень трудно расследовать. Как правило, в этих эпизодах не имелось свидетелей, на теле погибших не было следов насильственного воздействия. Упал человек и упал. А почему, как упал – кто ж его знает? Вот и тут такой же случай.

Гуров настолько увлекся собственными мыслями, что не заметил, как летит время. Окинув взглядом берег, он заметил какое-то движение. По кромке берега в его сторону направлялась целая группа людей, человек восемь. Было ясно, что это прибыла полицейская бригада из Самары. Впереди шел высокий энергичный молодой человек, за ним следовали люди с саквояжами и чемоданчиками. Очевидно, это были криминалисты.

Молодой светловолосый человек подошел к Гурову

и представился:

– Здравия желаю, товарищ полковник. Я капитан Никита Соловьев, буду расследовать это происшествие. А вы здесь, как я полагаю, в гостях?

– Да, я отдыхаю у своего друга Константина Приходько, – отвечал Гуров. – Но несчастье произошло не в его семье, а у его соседа, Вадима Александровича Егорова – полагаю, ты о нем слышал.

– Да, Егорова у нас хорошо знают, – кивнул капитан. – Он поддерживает в области несколько социальных проектов, лично знаком с губернатором. Но на ходе расследования этот факт не отразится, вы не подумайте. Вы не расскажете, что здесь произошло?

– Расскажу, конечно, – отвечал Гуров.

И он рассказал капитану то, что услышал от Вадима Егорова.

– Таким образом, супруга Егорова Юлия, очевидно, погибла, – закончил он свой рассказ. – Но тела, как видишь, нет, и это создает главную трудность в расследовании. И ты также должен учитывать, что все, что я говорю, я сам не видел, это все со слов Егорова, а он, как ты понимаешь, лицо заинтересованное. Мало того, на данном этапе он невольно становится основным подозреваемым.

– Да, я это все понимаю, – отвечал Соловьев. – И в первую очередь поговорю с самим Егоровым. Но сначала надо, чтобы бригада начала работу.

Он обернулся к людям, которые приехали вместе с ним.

– Давайте начинайте работу, – скомандовал он. – Фотографии, следы, анализ крови – в общем, все как обычно. А где водолазы? Они вроде бы должны приехать вместе с нами?

– Они на базу заехали, за оборудованием, – отвечал капитану один из его спутников. – Обещали, что недолго задержатся. Да вот они уже идут.

Действительно, по берегу к ним направлялись люди, несшие тяжелый груз. Там были какие-то узлы, тюки с водолажным снаряжением.

– Так ты сразу и водолазов с собой захватил? – удивился Гуров предусмотрительности капитана. – Как же ты это успел?

– Так вы же сказали, когда звонили в управление, что погибшая упала в воду, – объяснил Соловьев. – Вот я и подумал, что надо бы сразу, по горячим следам, проверить дно и найти тело. А то ведь потом его далеко может унести. В этом районе, я знаю, сильные придонные течения.

– Это хорошо, что ты такой предусмотрительный, – заметил Гуров. – Можно всю работу провести прямо сейчас, по горячим следам. Может, и тело погибшей удастся найти.

Между тем вокруг оперативников уже кипела работы: криминалисты фотографировали место происшествия, скалу, с которой упала Юлия Егорова, берег, лужу крови; другие эксперты брали кровь на анализ, еще один измерял рулеткой расстояние от скалы до воды. Потом один из криминали-

стов взобрался наверх и спустил оттуда мерительную веревку – так они измерили высоту обрыва. Оказалось, что здесь она составляет 56 метров. Водолазы дошли до места происшествия, сбросили свое тяжелое снаряжение и затребовали указаний – где и кого искать. Гуров и Соловьев вместе объяснили им задачу, после чего капитан сказал:

– Так вы проводите меня к усадьбе Егоровых? Ведь мне надо снять показания с Вадима Александровича...

– Да, пойдёмте, – согласился сыщик. – Здесь делать больше нечего.

Покидая берег, он обернулся и еще раз бросил взгляд на обрыв, с которого упала несчастная хозяйка усадьбы. Какое-то неясное ощущение чего-то несделанного заставило его на секунду остановиться. Вроде бы что-то еще надо было здесь осмотреть... Но что именно? Гуров так и не вспомнил, махнул рукой на свое неясное ощущение, повернулся и решительно зашагал к лестнице.

Глава 3

В усадьбе, куда явились двое оперативников, на первый взгляд ничего не изменилось в сравнении со вчерашним вечером. Все так же благоухали цветы на клумбах и в вазах, так же журчала вода в искусственном ручье, втекавшем в пруд; вдали, за кустами роз, была видна фигура садовника, окапывавшего левкой. Но когда оперативники вошли в холл, они сразу заметили, что в доме произошло что-то неладное: навстречу им спешила молодая горничная Клава, которую Гуров вчера уже видел. В руках она держала заряженный шприц, держа его иглой вверх. У самой горничной лицо было заплаканное.

– Это кому же помощь потребовалась – Вадиму Александровичу? – спросил ее Гуров.

– Ну да, – ответила горничная, готовая исполнить роль медсестры. – Он, как пришел, как рассказал, какое несчастье случилось, так сразу ему плохо стало. Мы с Юрием Вадимовичем его наверх отвели, а там он и сознание потерял. У него ведь сердце слабое, он может такое несчастье не пережить.

– А вы и раньше оказывали помощь своему хозяину? – поинтересовался сыщик, пока они вместе поднимались по лестнице к кабинету.

– Ну да, – отвечала Клавдия. – Я же говорю – у него сердце слабое. Я и укол могу сделать, и систему поставить. Ему вра-

чи советовали лечь на операцию, поставить кардиостимулятор, но Вадим Александрович не хочет – он операции боится.

– А сын его уже знает, что случилось? – спросил капитан Соловьев.

– Да, ведь он мне помог нести отца наверх, – объяснила горничная. – Сейчас он возле него сидит.

Так, втроем, один за другим, они вошли в кабинет. Вадим Егоров лежал на диване, глаза у него были закрыты. Рядом сидел его сын Юрий. Вид у юноши был совершенно несчастный, какой-то потерянный. Видно было, что он не знает, как теперь себя вести, что делать. Клава согнала его со стула рядом с диваном, села на него сама, чтобы сделать укол, и Юрий Егоров встал в стороне, не зная, нужен ли он еще здесь. Капитан Соловьев вывел его из этого затруднения.

– Мне нужно задать вам несколько вопросов, – сказал он. – Давайте пройдем куда-нибудь, чтобы не беспокоить вашего отца.

– Да, давайте спустимся в гостиную, там будет удобно, – отвечал Юрий.

Гуров тоже отправился вместе с капитаном. Они втроем спустились в гостиную и сели вокруг стола.

– Скажите, вы заметили, как ваши родители отправились на прогулку? – задал капитан первый вопрос.

– Да, я слышал, как они спускались по лестнице, – отвечал Юрий. – Папа еще крикнул мне, спросил, не хочу ли я к ним

присоединиться. Но я сказал, что хочу немного позаниматься, и они ушли без меня.

– То есть вы их в этот момент не видели?

– Нет, я только слышал их голоса.

– В этот момент, отправляясь на прогулку, они не ссорились?

– Нет, ничего такого не было. Голос мамы я вообще не слышал, только голос отца. Он что-то спросил маму – кажется, не хочет ли она захватить шаль или кофту, а то под вечер может стать прохладно. Ну и потом он крикнул мне, позвал на прогулку. И все, больше я ничего не слышал.

– Ваши родители часто гуляли по вечерам?

– Да, это было обычным делом. Они гуляли каждый день, если была хорошая погода, не было дождя или сильного ветра и если папа нормально себя чувствовал.

– А ваша мать, Юлия Аркадьевна, всегда хорошо себя чувствовала? Из-за ее здоровья прогулки не отменялись?

– Нет, иногда из-за нее тоже отменялись. У мамы бывают... у нее бывали приступы высокого давления. Но это случалось довольно редко – примерно раз или два в месяц.

– А у Вадима Александровича эти боли в сердце часто случались?

– Да, сердце папу часто подводит. Ведь он три года назад перенес инфаркт. Ему надо полностью менять образ жизни, беречь себя, но он не хочет. Врачи ему предлагали делать операцию, ставить стимулятор, но он упорно отказывается.

Предпочитает пить разные лекарства, снижающие холестерин, улучшающие работу сердца. Еще он отказывается от соли, у нас на столе никогда нет солонки...

– Значит, сегодня ваши родители, уходя на прогулку, не ссорились. А раньше? Между ними случались ссоры или размолвки? Это ведь во всех семьях бывает.

Молодой человек всем своим видом выразил удивление.

– Нет, – отвечал он, – я не помню, чтобы у мамы с папой были какие-нибудь размолвки. И тем более ссоры. У нас очень дружная семья. Вот полковник Гуров, который вчера был у нас в гостях, сам мог в этом убедиться.

– Да, я заметил, какая сердечная обстановка царит в вашем доме, – согласился Гуров. – Однако капитан Соловьев прав: какое-то непонимание случается даже между самыми любящими супругами. Не будете же вы утверждать, что они всегда были согласны друг с другом!

– А я готов так утверждать! – упрямо повторил Юрий. – Не было у нас никаких размолвок, никакого непонимания!

– Хорошо, оставим это пока в стороне, – сказал Гуров. – Вы сказали, что не пошли сегодня на прогулку, потому что занимались. Но ведь вы уже не учитесь! Ваш отец мне вчера говорил, что вы работаете в банке...

– Да, я уже год работаю менеджером, – подтвердил Юрий. – Но я хочу занять более высокую должность. Для этого мне надо в совершенстве изучить банковское дело. Одного учебника Самуэльсона мало.

– Понимаю... – кивнул сыщик. – Подходя к вашему дому, я заметил под навесом велосипед. Это ваш?

– Да, я люблю ездить. Стараюсь ездить каждый день, невзирая на погоду.

– Наверное, вы катаетесь не только по проселочным дорогам, но и на шоссе выезжаете?

– Да, я предпочитаю двигаться по шоссе. Но почему вы об этом спрашиваете? Какое это имеет отношение к гибели мамы?

– Скорее всего, никакого, – согласился сыщик. – Я просто стараюсь узнать как можно больше о людях, относительно которых ведется расследование.

– А разве здесь необходимо расследование? – удивился Юрий. – Что здесь расследовать? Произошла трагедия, мама упала с обрыва, вот и все. Или вы подозреваете папу, что это он... Что он толкнул?! Какая чушь! Вы просто... просто...

Грубое, оскорбительное слово так и вертелось на языке у младшего Егорова, но он силой воли сдержался и не произнес его. Встал и сухо произнес:

– Думаю, вы уже задали мне все вопросы, какие у вас были. Теперь я хочу вернуться к отцу.

– Конечно, вы можете вернуться к Вадиму Александровичу, – отвечал Гуров. – Но если он уже пришел в сознание, нам с капитаном Соловьевым надо поговорить с ним. Да, и прошу не удивляться тому, что мы также поговорим с людьми, которые живут в вашем доме. Таков порядок.

Юрий Егоров не нашел что на это сказать. Оперативники оставили его в гостиной, а сами вернулись в кабинет. Здесь они обнаружили Клаву Самохвалову, сидящую в кресле возле дивана, на котором лежал Егоров-старший. Горничная объяснила, что Вадиму Александровичу стало лучше и он заснул. Капитан решил, что будить хозяина дома не стоит. Вместо этого он предложил горничной спуститься вниз, чтобы теперь он мог задать свои вопросы ей.

Юрия Егорова в гостиной уже не было – видимо, он куда-то ушел. Горничная заняла место в кресле, в котором только что сидел Юрий, и началась новая беседа.

– Как часто ссорились Егоров и его жена? – сразу же спросил Соловьев.

– Ну это было очень редко... Можно сказать, почти и не было такого, – отвечала девушка.

– И все же – когда это случилось в последний раз, можете вспомнить?

– Пожалуй, весной... Или нет – это было уже здесь, на Волге, значит, в начале лета.

– А что послужило причиной для ссоры?

– Кажется, шла речь о деньгах...

– О каких именно деньгах?

– Понимаете, Вадим Александрович – человек щедрый, он любит всем помогать. К нему ведь и из ближайшего села Рыбкино люди приходили, просили помочь, и местная администрация из поселков Зольное, Богатырь просила де-

нег, чтобы дорогу проложить. Он редко кому-то отказывал. А Юлию Аркадьевну это злило. Она ругала мужа за напрасную трату денег.

– Вот как? – вступил в разговор Гуров. – Если причина такая и если Вадим Александрович и правда никому не отказывал, то ссоры должны были происходить чаще...

– Может, я неточно выразилась, что ссор почти не было... Да, пожалуй что были...

– А не было у этих размолвок других причин, кроме денег? – продолжал допытываться сыщик. – Например, Ксения Безрукова не могла быть такой причиной?

Девушка усмехнулась.

– Не понимаю, о чем вы говорите, – произнесла она.

– Сейчас объясню, – обещал Гуров. – Вчера за ужином я заметил, как Юрий Егоров поглядывает на Ксению. Скажите, какие у нее отношения с сыном хозяина?

– Да нет у них никаких особенных отношений! – заявила Клавдия. – Во всяком случае, я ничего такого не знаю. И вообще, я в чужие дела не лезу.

– Особенных, может, и нет, но симпатия Юрия к дочери Безрукова проявляется довольно отчетливо, – заметил сыщик. – И это вряд ли нравилось матери Юрия. Она, наверное, мечтала о другой невестке...

– Это уж точно! – Эти слова вырвались у горничной сами собой, она просто не могла сдержать своих чувств. – Она считает, что ее сын должен жениться на принцессе, никак

не меньше!

– А вас Юлия Аркадьевна не ревновала? – спросил сыщик.

– Ревновала? – опешила девушка. – К кому?

– К собственному мужу, конечно. Я заметил, что Вадим Александрович относится к вам с симпатией...

– Ну уж вы скажете – «с симпатией»... – пробормотала Клавдия. – Просто я ему немного нравлюсь, что тут такого? Хотя насчет Юлии Аркадьевны вы правы. Она уже месяц уговаривала Вадима Александровича, чтобы тот меня уволил!

– А он, значит, не соглашался? Вот вам и еще одна причина для разногласий. Теперь скажите: сегодня, когда супруги отправились на прогулку, они ругались?

– Ну я не знаю, как это назвать... – протянула Клавдия.

– Вы скажите, что вы слышали, а мы уже сами решим, как это назвать, – предложил ей капитан Соловьев.

– Ну я была в столовой, а они собирались на прогулку вот здесь, в гостиной. Тут близко, и все, в общем, слышно. И я слышала, как Юлия Аркадьевна говорила что-то вроде: «Это должно прекратиться! Я это не потерплю! Сколько можно тебе говорить?!»

– О чем шла речь, вы знаете?

– Нет, откуда? Они, наверное, начали ругаться еще наверху, в спальне. Так что я не знаю, что хозяйка имела в виду.

– Может быть, они ругались из-за вас? – спросил Гуров. –

Из-за того, что Вадим Александрович относится к вам с симпатией?

– Не знаю... – пробормотала девушка. – Мне кажется, речь шла о другом...

– Я ничего не хочу сказать, я всего лишь допустил такую возможность, – отвечал Гуров. – Стало быть, супруги начали ругаться еще в доме и в таком состоянии отправились на прогулку?

– Ну да... – отвечала девушка.

– Хорошо. В таком случае у нас больше нет к вам вопросов. Правда, капитан?

– Да, пока что у меня вопросов нет, – отвечал Соловьев.

– Подскажите нам, кто в доме больше всех знает о хозяйских делах, о взаимоотношениях супругов? – продолжал Гуров. – Наверное, управляющий? Или его дочь, Ксения? Или, может быть, повар Егор Трубников?

– Конечно, Игорь Сергеевич в курсе всех дел, – отвечала Клава. – Только вряд ли он вам что-то расскажет. Он человек такой... скрытный. Из него лишнего слова не вытянешь.

– Но мы все же попробуем, – сказал Гуров. – Где мы можем найти господина Безрукова?

– Скорее всего, у него в кабинете, – ответила девушка. – У него свой кабинет небольшой есть, тут, на первом этаже. Вот сюда в коридор пройдите...

– Да, мы пойдем, поговорим с господином Безруковым, – проговорил Гуров. – А вы поднимитесь к Вадиму Алексан-

дровичу. И, если он проснется, дайте нам знать. Нам все же необходимо с ним поговорить. А также с Ксенией Безруковой и поваром Трубниковым.

– Хорошо, я посижу с Вадимом Александровичем, – согласилась девушка. – И дам вам знать, если он проснется.

Она поднялась наверх, а оперативники прошли по коридору в том направлении, которое указала Клава, и постучались в дверь маленького кабинета управляющего.

Глава 4

Игорь Безруков действительно находился у себя в кабинете. Он сидел за столом, который был полностью завален какими-то бумагами, и увлеченно барабанил по клавишам ноутбука. Увидев входящих оперативников, управляющий поднялся, сгреб все бумаги в одну стопку, освободив таким образом место на столе, и произнес:

– Я ждал, что вы придете. Садитесь, Лев Иванович, и вы присаживайтесь. Вы, я полагаю, из Самары?

– Да, я капитан Соловьев, я буду вести расследование в связи с фактом гибели Юлии Аркадьевны, – представился капитан. – Нам необходимо задать вам несколько вопросов.

– Конечно, конечно, – кивнул управляющий. – Расследование необходимо. Такая трагедия! Как я слышал, тело Юлии Аркадьевны пока не нашли?

– Нет, его все еще ищут, – подтвердил Гуров. – А откуда вам об этом известно?

– Тут Юра ко мне заглядывал, он и сказал, – объяснил Безруков. – Так какие ко мне вопросы?

– Вы видели, как супруги сегодня выходили на прогулку? – сразу спросил Соловьев.

– Да, я, можно сказать, при этом присутствовал, – отвечал Безруков. – Мне надо было получить подпись Вадима Александровича под счетами за последний месяц, чтобы их опла-

тить, и я, когда услышал, как они собираются на прогулку, поспешил выйти в гостиную. Ну и услышал всю эту перепалку.

– Значит, там была настоящая перепалка? – уточнил Соловьев.

– Да, Юлия Аркадьевна очень рассердилась, когда узнала, что Вадим Александрович снова дал денег для поселка Рыбкино. На этот раз деньги пошли на детскую площадку. Там и денег-то было совсем немного, пятьдесят четыре тысячи, но все равно Юлия Аркадьевна была недовольна.

– Как я понимаю, подобные сцены между супругами происходили часто? – спросил Гуров.

– Да, признаться, частенько такое было, – согласился Безруков.

– А до каких-то решительных действий не доходило? Ну чтобы супруга вцепилась мужу в лицо или он ее ударил...

– Нет, такого не было. Вадим Александрович всегда жене уступал.

– То есть главной в семье была все же она, Юлия? – уточнил Гуров.

– Можно сказать, что да, так оно и было, – подтвердил управляющий. – Юлия Аркадьевна определяла в этом доме все: что мы будем есть, пить, проводить ли ремонт, какие деревья и цветы сажать в парке, как проводить время... Да и в Москве так было, в московской квартире.

– Эти ссоры сильно огорчали Егорова?

– Да, он очень переживал. Думаю, у него из-за этого и сердце стало пошаливать.

– Егоров переживал из-за упреков жены – но она и не думала их прекращать, верно?

– Вы намекаете, что она не жалела мужа? – спросил управляющий. Подумал немного, потом ответил на свой собственный вопрос: – Да, пожалуй, так оно и было. Юлия Аркадьевна была не из тех людей, которые кого-то жалеют.

– Как вы думаете, ее смерть огорчит кого-то, кроме Юрия?

Игорь Безруков покачал головой:

– Думаю, что нет.

– Скажите, а Юлия Аркадьевна ревновала мужа к другим женщинам? Например, к горничной Клавдии?

Безруков побряхтел, развел руками:

– Пожалуй что да. Да она ко всем его ревновала. Так и в Москве было. Стоило в их квартире появиться в гостях какой-то молодой женщине, как Юлия Аркадьевна тут же начинала к ней ревновать. И здесь так было. Поэтому у нас здесь редко бывают гости. Она считала Вадима Александровича своим личным имуществом, и права на это имущество были только у нее.

– Ну и, пожалуй, последний вопрос, – сказал Гуров. – Скажите, вы допускаете, что Егоров мог в порыве отчаяния или крайнего раздражения толкнуть свою жену с обрыва?

На этот раз управляющий ответил не сразу. Он думал

не меньше двух минут, потом покачал головой:

– Нет. Даже в состоянии крайнего раздражения Вадим Александрович этого сделать не мог. Не такой он человек. Так что это все-таки несчастный случай.

– Хорошо, у нас к вам больше нет вопросов, – сказал Гуров. – Скажите, а где мы можем найти вашу дочь? Ее тоже надо расспросить.

– У Ксюши комната на втором этаже, последняя по коридору, – объяснил Безруков. – Только вряд ли вы ее там найдете. После такой трагедии она, скорее всего, гулять пошла. Она любит по лесу гулять.

– Одна любит гулять? – спросил Соловьев.

– Иногда одна, а иногда в компании... – туманно ответил Безруков.

– В таком случае мы пойдем, поищем повара Егора, – решил Гуров. – Он где сейчас, на кухне?

– Да, скорее всего, ужин готовит, – отвечал управляющий. – Хотя кто сегодня будет ужинать, непонятно. Юрий и сам Вадим Александрович вряд ли будут.

Оперативники распрощались с Игорем Безруковым и направились в сторону кухни. Однако в гостиной их перехватили. Входная дверь внезапно раскрылась, и в дом вошли несколько человек. Здесь был руководитель бригады криминалистов Павел Суходольский, с ним криминалист Вершинин, а также бригадир водолазов Петр Савченко.

– Ага, вот вы где! – воскликнул Суходольский, увидев

оперативников. – Мы пришли доложить результаты нашей работы.

– Отлично, – сказал Соловьев. – Пусть сначала Петр свое слово скажет. Ну что: нашли мы тело?

Водолаз покачал головой.

– Нет, не нашли, – отвечал он. – Все дно облазили на сто метров вниз по течению, на пятьдесят вверх и метров на сорок от берега. Ничего нет, кроме мусора: старых автомобильных покрышек, ржавых железок. Течение там сильное, тело могло запросто унести куда-то в сторону. А чтобы знать, куда его могло отнести, надо составить карту здешних течений. Я уже позвонил руководству. Завтра должны прислать специалиста по гидродинамике, по речным течениям, он проведет нужные замеры и скажет нам, где стоит искать, а где не надо.

– Понятно... – озадаченно произнес Соловьев. – Значит, еще и замеры проводить нужно... Так вы что, возвращаетесь в Самару?

– Да, пока нам здесь делать нечего, – отвечал Савченко. – Часть оборудования здесь оставим, в деревне, чтобы вперед не таскать. А сами пока домой поедем.

– Так, а у вас что? – спросил Гуров, обращаясь к руководителю бригады криминалистов.

– Мы провели все необходимые замеры, взяли кровь на анализ, изучили следы на камнях и на песке, – отвечал эксперт. – Пока что все подтверждает версию о том, что это

был несчастный случай. Единственный факт, который выламывается из обычной картины случайного падения человека с высоты – это исчезновение тела. Но с учетом того, что водолазы обнаружили сильные придонные течения, этот факт также находит свое объяснение. Так что, если бы вы спросили мое мнение, я бы ответил, что поиски тела погибшей надо продолжить, а расследование на этом можно закрывать.

Капитан, выслушав такое мнение эксперта, озадаченно молчал, а Гуров спросил:

– Скажите, а вы скалу возле места трагедии обследовали?

– Скалу? – удивился Суходольский. – А какие следы мы там должны были искать?

– Я пока не знаю, но у меня возникло ощущение, что скалу нужно осмотреть, – сказал Гуров. – У меня еще там, на берегу, возникла такая мысль, но я не успел это сделать. Пожалуй, я сейчас попрошу у здешнего управляющего какую-нибудь веревку, и с ее помощью полазаю по этой скале.

– Вряд ли у вас это сейчас получится, Лев Иванович, – сказал криминалист.

– Это почему же? – удивился Гуров.

– Так ведь дождь начался! Ливень, можно сказать. Мы еще и поэтому работу свернули. Сейчас вы по обрыву уж точно не полазаете.

Гуров только сейчас обратил внимание на мерный шум снаружи, который раздавался уже некоторое время. Он распахнул входную дверь – и очутился перед стеной сильного

летнего ливня. Лило как из ведра, не верилось, что всего час назад оперативники ходили по речному берегу – и было совершенно сухо. Видимо, дождь начался, когда они беседовали с управляющим, а у того в кабинете окна были плотно зашторены.

Гуров уже собирался закрыть дверь и вернуться в дом, когда из пелены дождя появились две бегущие фигуры. Это были Юрий Егоров и Ксения Безрукова. Оба были мокрые до нитки. Они вбежали в дом и остановились посреди холла. Сыщика удивило выражение лиц молодых людей: обычно человек, попавший под дождь и промокший, выглядит озабоченным, но уж никак не испуганным. А тут на лице девушки он видел явный испуг.

– Мы тут видели... – начала она, остановившись возле сыщика. – Я хотела вам рассказать...

– Лучше бы тебе пойти сначала переодеться, – прервал ее Юрий. – Ты ведь промокла вся! Надо переодеться, принять горячий душ. А то и простудиться недолго. А потом уже все расскажешь полковнику.

– Да, ты прав, – согласилась Ксения. – Пойду накину что-нибудь сухое, а потом вернусь к вам. И ты тоже переоденься. Нечего тут Ихтиандра изображать!

– Хорошо, я тоже оденусь, – сказал Юрий.

И оба молодых человека разошлись по своим комнатам. Водолазы вызвали по телефону своего водителя, и когда тот сообщил, что подогнал машину к воротам дома, они вышли

под дождь (тем более что тот на глазах слабел) и пошли к машине. Вслед за ними ушли и криминалисты, и оперативники остались в гостиной вдвоем.

– Ну что, пойдём с поваром беседовать? – предложил Соловьев. – У нас остались он, Ксения и сам Егоров. Да, и ещё здесь, кажется, есть садовник, не знаю, как его зовут. Хотя я уже не уверен, стоит ли продолжать расследование. Суходольский – опытный криминалист. Если он считает, что налицо несчастный случай, то, скорее всего, так оно и есть. Зачем же выяснять разные обстоятельства, которые сопровождали этот несчастный случай? Это ничего нам не даст.

– Подожди, капитан, не гони так быстро, – остановил его Гуров. – Мнение Суходольского, конечно, важно, но иногда и опытные люди ошибаются. Вот я, например, только что совершил ошибку – не осмотрел скалу, с которой упала Егорова. И теперь это уже не исправишь. Так что не надо совершать новых ошибок. И с поваром пока мы подождём беседовать. Тем более что вряд ли он скажет что-то существенное. Лучше давай посидим, подождём, пока наши молодые люди переоденутся и спустятся сюда. Кажется, они хотят рассказать что-то важное.

Соловьев пожал плечами – он привык доверять своему опытному коллеге-криминалисту. Но он знал, что Лев Гуров является ещё более опытным человеком, и потому молча прошёл в угол гостиной и сел в кресло. Сыщик последовал его примеру.

Ждать им пришлось минут пятнадцать. Ливень за окном за это время стих, выглянув в окно, можно было увидеть на небе молодую луну. Но вот наверху хлопнула одна дверь, потом другая, и в гостиную спустились оба участника прогулки под дождем.

Ксения спустилась первая и сразу подошла к Гурову.

– Я хочу рассказать, что случилось во время нашей прогулки, – начала она. – А случилось вот что: мы видели человека!

– Ну это, наверное, не такой удивительный случай, чтобы сильно переживать, – заметил сыщик. – Ведь мы живем все же не в Антарктиде, здесь, на Волге, людей встретить не редкость.

– Нет, все не так! – сердито заявила Ксения. – Да, тут ниже по Волге есть село Рыбкино. Но люди оттуда в наши края не ходят – зачем? Выше по берегу есть еще два села, но до них далеко. Удобной дороги вдоль Волги здесь нет. Поэтому люди сюда редко забредают. Мы живем здесь все лето, и за это время и трех незнакомых людей не видим. К тому же этот человек вел себя как-то странно.

В этот момент в гостиную спустился и Юрий Егоров. И сразу включился в разговор.

– Да, тут все дело в том, как этот человек себя вел, – сказал он. – Пока он нас не видел, он просто стоял там, на другой стороне оврага. Но как только он заметил, что мы за ним наблюдаем, так сразу повернулся и ушел в лес. Он почти бе-

жал, так спешил!

– А что это за овраг, о котором вы говорите? – спросил Гуров.

– Его называют Большой Буерак, – объяснила Ксения. – Это самый большой овраг в здешних местах. И единственный, по дну которого течет ручей. Здесь вообще-то с водой плохо – она есть только в Волге. А в Большом Буераке по дну течет ручей. Весной, когда тает снег, этот ручей превращается в настоящую реку. Но и сейчас, в середине лета, там вполне есть вода.

– Значит, человек, о котором вы говорите, стоял на том берегу оврага, а когда увидел вас, быстро ушел, – подытожил Гуров слова свидетелей. – Ну и что же тут такого необычного? Может, он искал уединения, не хотел никого видеть...

– Нет, все было не так! – воскликнул Юрий. – Он испугался, да, испугался!

– Скажите, а на каком расстоянии вы его видели? – спросил Соловьев. – Сколько было до другого берега оврага?

Молодые люди переглянулись.

– Пожалуй, там было метров сто – сто пятьдесят, – сказал Юрий. – Вряд ли больше.

– На таком расстоянии можно разглядеть черты лица. Вы разглядели этого человека?

– Немного разглядели, – отвечал Егоров. – Это был мужчина высокого роста, пожилой. Пожалуй, ему было около шестидесяти. У него были усы и небольшая борода, она была

черная с сединой. Вот, наверное, и все. Но уже начало моросить, видно было плохо, так что я бы не смог узнать этого человека, если бы встретил его, допустим, на улице.

– А может быть, этот человек – просто турист, который решил побродить по здешнему лесу, – предположил Гуров. – Но тут он заметил, что начинается дождь, и поспешил укрыться от него. То есть он не вас испугался, а дождя. Такое может быть?

Молодые люди вновь переглянулись.

– Ну, пожалуй, можно и так объяснить... – неуверенно произнесла Ксения. – Но все равно это было... как-то странно. И потом – где он мог укрыться от дождя? Негде здесь укрыться. Здесь, в окрестностях, нет никаких сторожек, охотничьих домиков или чего-то такого. Я знаю, я здесь часто гуляю. И потом, такое совпадение, что мы видели этого человека как раз в тот день, когда случилось это несчастье с Юлией Аркадьевной...

– Да, это странное совпадение, – согласился Гуров. – Давайте вы покажете нам место, где вы видели этого незнакомца, и мы все там осмотрим.

Юрий Егоров отнесся к предложению сыщика без энтузиазма.

– Нет, мне кажется, это ничего не даст, – сказал он. – Что мы там найдем? Ну стоял человек, потом ушел. Сейчас, после дождя, там ничего не будет.

Тут как раз на верхней площадке лестницы появилась гор-

ничная Клава.

– Вадим Александрович пришел в себя и готов разговаривать, – сказала она. – Он приглашает вас подняться к нему.

– Что ж, пойдете наверх, – предложил Соловьев. – Я переговорю с Егоровым, и на этом мы поставим точку в этом расследовании. Оно закончится, так и не начавшись.

– Кстати, вы тоже можете подняться с нами, – сказал Гуров, обращаясь к Юрию и Ксении. – Поскольку это уже не расследование, а просто беседа, то никаких тайн от вас у нас нет. Пойдемте, послушаете нашу беседу. Возможно, вы захотите что-то дополнить, вставить свое замечание.

И они все вместе поднялись в кабинет хозяина усадьбы.

Глава 5

Когда они вошли, то увидели, что Вадим Егоров уже не лежит, а сидит в кресле возле стола. Вид у него теперь был бодрее, чем час назад. Капитан Соловьев представился ему и объяснил, что должен снять с него показания.

– Уголовное дело не будет открыто, – сказал капитан. – По заключению наших экспертов, которые внимательно осмотрели место происшествия, имел место несчастный случай. Положение осложняет лишь одно обстоятельство – тот факт, что не можем найти тело вашей погибшей супруги. Но сам факт ее гибели у нас не вызывает сомнения. Поэтому давайте вы сейчас мне расскажете, что произошло сегодня на обрыве, и на этом мы расстанемся.

– Хорошо, я расскажу, – отвечал Егоров.

И он повторил свой рассказ, который Гуров уже слышал. Закончив, владелец усадьбы подумал немного и добавил:

– Сейчас, когда я немного успокоился и начал вспоминать каждую деталь, мне одна вещь кажется странной. Меня удивляет сам момент падения Юли. Я точно знаю, что я ее не толкал, даже рукой не махал в ее сторону, что могло заставить ее отшатнуться. Да, я взмахнул руками, от досады, но это никак нельзя было принять за толчок. И потом, Юля знает, что я никогда бы не поднял на нее руку. Такого ни разу не случилось за все время нашей совместной жизни. В общем, все

выглядело так, словно... ну словно земля под ней обвалилась. Или... или как если бы она сама...

Тут он замолчал, видимо, не в силах выговорить последние слова.

– Сама захотела упасть с обрыва? – закончил за него Гуров, который внимательно прислушивался к последним словам Егорова.

– Да, именно так, – подтвердил он. – Она слегка отвернулась от меня и начала падать. Если бы я был более проворным человеком, я, наверное, мог бы ее удержать... схватить за свитер... Ну почему я этого не сделал? Как бы я хотел вернуть ту минуту, как бы хотел оказаться проворней!

– А у вашей жены никогда не было намерения покончить с собой? – спросил Гуров. – Она не говорила о самоубийстве?

– Нет, никогда! – твердо отвечал миллионер. – На нее это совершенно не похоже. Юлия очень ценила жизнь, любила ее. Самоубийство совсем не в ее характере.

– Я бы предложил еще раз сходить на то место на обрыве, где все это случилось, – сказал Гуров. – Конечно, сейчас уже темно, но можно взять мощный фонарь. У вас найдется достаточно сильный фонарь? И вы сможете пройти на это место, показать нам его?

– И фонарь найдется, и ходить я уже могу, – отвечал Егоров-старший. – Юра, посмотри в шкафу со снаряжением, там лежали несколько фонарей.

Спустя несколько минут группа людей вышла из дома и направилась к обрыву. Шли медленно – Егоров пока что не мог двигаться быстрее. Небо после дождя очистилось, молодой месяц стоял высоко, заливая тропинку и лес своим светом.

Постепенно тропинка подошла ближе к обрыву и пошла вдоль него. Слева серебрилась в лунном свете Волга, справа темнел лес. Вадим Егоров шел все медленнее, то и дело оглядываясь вокруг. А потом совсем остановился.

– Вот оно, это место, – сказал он. – Его легко узнать – видите вон тот дуб? Он здесь самый большой. Мы часто стояли здесь с Юлей, а потом шли обратно.

– Вы можете показать, где стояли вы, а где – ваша жена? – спросил Гуров.

– Да, конечно, – ответил хозяин усадьбы. – Вот тут стоял я, а вот здесь... нет, пожалуй, чуть левее – она.

– Встаньте туда, где вы стояли в тот момент, – попросил сыщик. – А я встану на место вашей жены. Вот так... Значит, она вам выговаривала за что-то, говорила все громче... Так было?

– Да, она словно накручивала себя, – согласился Егоров. – Так и раньше бывало, я давно заметил в Юле эту черту: она была готова повторять какие-то обвинения, не слушать, что я ей возражаю. Она себя нарочно распалила.

– Другими словами такое состояние называется «истерика», – заметил сыщик. – То есть ваша жена была склонна

устраивать истерики по разным поводам?

– Ну не то чтобы она это специально устраивала... – промямлил Егоров. – Просто у нее был такой характер...

– Хорошо, вернемся в сегодняшний вечер. Итак, Юлия Аркадьевна себя распалила, надвигалась при этом на вас. И вы в какой-то момент взмахнули рукой... Или вы не двигали руками?

– Как бы это точнее сказать? Наверное, я поднял руки – но не чтобы оттолкнуть ее, ни в коем случае, а скорее чтобы загородиться от ее напора.

– Ага, понятно. Вы подняли руки... поднимите, как тогда. А она сделала шаг назад, немного повернулась – и упала. Так?

– Осторожнее! Вы совсем на краю стоите! Как бы вы тоже не упали!

– Не беспокойтесь, Вадим Александрович, я твердо стою на ногах, – отвечал Гуров. – Я не упаду. Повторяю вопрос: все было именно так или было какое-то другое движение?

– Так, все так! – подтвердил хозяин усадьбы. – Сейчас я ясно вспоминаю, что Юля именно повернулась и упала она не спиной вперед, а боком, даже скорее лицом, к обрыву.

– Лицом к обрыву... Это интересно. И что вы сделали в первую секунду после того, как жена упала? Какое было ваше первое движение?

– Я кинулся вслед за ней, – отвечал Егоров. – Только я сейчас не решусь сделать, как тогда. Я боюсь. А тогда страха

не было совсем. Я кинулся за ней, хотел удержать... Но не успел.

– И вы заглянули туда, вниз?

– Да, естественно. Я глянул вниз и увидел... увидел, как она лежит там на камнях...

– А потом?

– А потом я бросился к лестнице, чтобы спуститься, и встретил возле обрыва вас. Ну а остальное вы знаете.

– Но вы точно видели, что ваша жена лежит на камнях? Вы не заметили никакого движения?

– Нет, она лежала совершенно неподвижно. Это было ужасно!

– Скажите, а когда вы пошли на прогулку и когда стояли здесь, у обрыва – ваша жена не жаловалась на то, что у нее кружится голова?

– Нет, не жаловалась. Вообще я не помню, чтобы Юля когда-то жаловалась на головокружение. А ты не помнишь, Юра?

– Нет, я тоже такого не помню, – отвечал младший Егоров.

– Понимаю... – задумчиво произнес Гуров. – Да, несчастный случай... Хотя и довольно необычный... Что ж, пока у меня больше нет к вам вопросов.

– Ну а у меня их тем более нет, – сказал капитан Соловьев. – Стало быть, я возвращаюсь в Самару и пишу заключение о том, что здесь произошел несчастный случай. Постараюсь ускорить процесс поисков тела вашей супруги. На-

деюсь, вскоре мы ее найдем. До свидания!

И капитан направился к дороге, на которой его ждала машина. Гуров распрощался с семейством Егоровых и поспешил за капитаном. Он подошел, когда Соловьев уже садился в машину.

– Подожди, капитан, на пару слов, – сказал Гуров. – Давай чуть в сторону отойдем.

Соловьев пожал плечами – он не понимал, о чем тут можно еще говорить, да еще втайне от водителя. Но послушно вышел из машины, и они с Гуровым отошли немного в сторону.

– Я бы тебе не советовал уже завтра писать заключение о несчастном случае и подавать его на подпись руководству, – заметил сыщик. – В деле слишком много странностей.

– А что именно вас настораживает? – спросил Соловьев.

– Прежде всего – характер того, как женщина упала. Отчего это произошло? Ведь Егоров ее не толкал, не надвигался на нее. Когда я на твоих глазах провел этот следственный эксперимент на обрыве, ты ведь заметил его движение? Показывая, что он делал во время ссоры, Егоров сделал шаг назад. Ничто не заставляло Юлию Егорову отступить к обрыву – и упасть с него.

– Ну женщина была в истерике, она сама не соображала, что делает, где находится, – возразил Соловьев. – А вы знаете, что в таком состоянии люди порой совершают очень странные поступки.

– Так-то оно так, – согласился Гуров. – Но тут добавляется еще один момент: отсутствие тела. Судя по характеру повреждений, которые Юлия Егорова должна была получить после падения, она никак не могла доползти до воды. Но она доползла. Каким образом? В общем, я собираюсь завтра же навестись к вам в управление и побеседовать с руководителем вашей криминалистической лаборатории. Кто ее возглавляет?

– Майор Старцев, Никита Семенович, – отвечал Соловьев.

– Вот с ним я и поговорю, – сказал сыщик. – А потом загляну к тебе и скажу, надо ли писать заключение о несчастном случае или еще погодить. Договорились?

– Хорошо, Лев Иванович, договорились, – отвечал Соловьев.

Гуров распрощался с ним и пошел домой, к Приходько. Пройдя половину дороги, сыщик вдруг остановился и прислушался. Месяц как раз зашел за тучу, в лесу воцарилась полная темнота. В этой темноте Гурову послышался звук чьих-то шагов в стороне от тропинки. Он замер, весь обратившись в слух. Но больше никаких звуков в лесу не раздавалось, и Гуров двинулся дальше. Однако, дойдя до дома друга, он запер калитку на засов, чего обычно не делал, а войдя в дом, запер и входную дверь.

Приходько и его жена сидели возле накрытого стола, но не ужинали – ждали гостя. Они уже знали о трагедии, которая

разыгралась у соседа – им рассказал повар Трубников, который приходил два часа назад, чтобы купить у Приходько са-зана или пару лещей. И теперь они ждали от Гурова подробностей случившегося.

Сыщик извинился, что заставил себя ждать, и все сели за стол. Первые минуты прошли в молчании – все проголодались и были заняты едой. Затем Лиза спросила:

– Так что же все-таки случилось? Каково ваше мнение: это действительно несчастный случай или был умысел со стороны Вадима?

Гуров сделал неопределенный жест, выразивший сомнение, потом сказал:

– По виду все говорит о том, что это был обычный несчастный случай. Но что-то тут не вяжется. Я не думаю, что это было убийство, совершенное Вадимом Егоровым, но и в простой несчастный случай поверить не могу. Юлию Егорову никто не толкал, у нее, как утверждают отец и сын Егоровы, никогда не кружилась голова. Почему же она упала? Что заставило ее шагнуть назад? Может быть...

Тут сыщик замолчал, обдумывая то, что собирался сказать, и хозяева тоже замерли, даже жевать перестали, ожидая, что скажет гость.

– Может быть, там, на тропе, был кто-то третий? – закончил фразу сыщик. – Кто-то, кого не видел Егоров, но видела его жена? Она увидела этого человека, испугалась, и это заставило ее инстинктивно шагнуть назад? И это мог быть тот

неизвестный, которого видели Юрий и Ксения...

– Неизвестный? – удивился Приходько. – Какой неизвестный?

– Юра и Ксения вечером пошли гулять, чтобы успокоиться, и видели за оврагом – они назвали его Большой Буерак – какого-то человека... Скажи, Костя, здесь в окрестностях есть какая-нибудь сторожка, или охотничий домик, или другая постройка?

Муж и жена дружно покачали головами.

– Мы тут пятый год живем, – ответила Лиза. – Все окрестности успели облазить. По лесу до Рыбкина доходили, а в другую сторону, на север, чуть ли не до Жигулевска. И я могу уверенно сказать: никакой сторожки здесь нет.

– Допустим, что сторожки нет. Но этот неизвестный мог остановиться на ночь в палатке. Или просто приехать, сделать то, что хотел, – и снова уехать. Надо мне завтра же сходить на ту сторону Большого Буерака, осмотреть там все хорошенько. Хотя, с другой стороны, я обещал Соловьеву, что завтра приеду в Самару, поговорю с их главным криминалистом. Как совместить то и другое?

– Давай с утра я отвезу тебя в Самару, – предложил Приходько. – Мне там нужно купить кое-что для рыбалки, да и продукты можно купить другие, чем в Жигулевске. А после обеда ты сходишь к оврагу. А на рыбалку мы с тобой отправимся уже вечером. Вечером тоже хороший клев бывает.

– Хорошо, принимаю твое предложение, – согласился Гу-

ров. – А пока я не выясню, в чем тут дело, призываю вас обоих быть осторожными. Например, я сейчас и калитку запер, и входную дверь. И вас призываю делать так же. Также призываю вас ночью не ходить по лесу.

– Хорошо, мы будем соблюдать осторожность, – сказал Константин Приходько. – Слышишь, Лиза? Не стоит рисковать понапрасну.

Глава 6

Как и было запланировано вечером, на следующий день с утра Приходько вывел машину из гаража и начал собираться в дорогу. Он уже открыл ворота и был готов выехать со двора, когда в открытые ворота вбежал Юрий Егоров.

– Хорошо, что я вас застал! – крикнул он, увидев Гурова. – Идемте скорее к нам! Папе опять стало плохо! Он хочет что-то рассказать, причем рассказать именно вам – он дважды называл ваше имя. Идемте!

– Планы меняются, – сказал Гуров, обращаясь к Приходько. – Ты уж езжай в Самару без меня. С криминалистами я как-нибудь в другой раз пообщаюсь. Или по телефону поговорю.

И они с Юрием быстрым шагом, почти бегом, направились к дому Егоровых. Шли молча. Наконец они вошли в дом и поднялись на второй этаж. На этот раз Гурова пригласили не в кабинет, а в спальню хозяина. Вадим Егоров лежал на постели, возле него сидела горничная Клава, которая, очевидно, все чаще исполняла в этом доме обязанности медсестры. Хозяин дома был в пижаме, на голове у него лежала повязка, как видно, с холодной водой. Глаза у него были закрыты.

– Ну как он? – с порога спросил Юрий.

Клава хотела отвечать, но вместо нее это сделал сам Его-

ров. Он открыл глаза и посмотрел на Гурова.

– Вы пришли! – произнес он. – Это хорошо. Очень хорошо! Вы здравомыслящий человек и сможете правильно оценить то, что я расскажу. Боюсь, остальные, даже мои близкие, мне не поверят.

– Рассказывайте, Вадим Александрович, – предложил Гуров. – Я вас внимательно слушаю.

Он подвинул стул и сел у изголовья хозяина дома. Однако Егоров не хотел выглядеть смертельно больным, не хотел лежать. Он сделал усилие и сел на постели.

– Это просто безобразие, как я расклеился, – с горечью произнес он. – Так нельзя. Вот сейчас расскажу вам все и пойду гулять. Да, обязательно нужно гулять, дышать свежим воздухом. Иначе я долго не протяну.

– Конечно, папа, ты пойдешь гулять, и я тебя буду сопровождать, – сказал Юрий. – А сейчас расскажи Льву Ивановичу, что с тобой ночью случилось. Я вижу, что это тебя угнетает, не дает расслабиться. Расскажешь – и тебе станет легче.

– Да, ты прав, сынок, – согласился Егоров-старший. – Значит, вот как было дело. Вчера, когда вы ушли, Юра погнал меня спать. Сказал, что мне обязательно нужно отдохнуть. Он даже предложил, чтобы мне было спокойнее, чтобы он тоже лег тут же, в спальне, – как видите, у нас здесь, кроме кровати, еще и кушетка имеется. Вот он и сказал, что готов ночевать на этой кушетке. Но я отказался. «Не настолько же я расклеился, чтобы и спать один не мог» – так я тогда по-

думал. И, как видно, зря.

Я лег и даже заснул – вернее, забылся тяжелым сном. Как помню, снилась мне какая-то чертовщина, меня обступали кругом люди, которых давно уже нет на свете... Я же говорю – чертовщина. Меня все эти видения мучили, и я проснулся. Нашарил на тумбочке часы, взглянул и увидел, что прошел всего час. Я перевернулся на другой бок и попытался заснуть снова. Но у меня ничего не получалось. Я провалялся не меньше часа. Слышал, как внизу, в гостиной, стенные часы пробили половину второго ночи, потом два. Тогда я решил, что без снотворного мне не уснуть. Я встал и направился к шкафчику, где у нас хранятся лекарства, которые могут понадобиться в любую минуту. Мы с Юлей называли этот шкафчик «Скорая помощь». Вон он висит, там, в углу.

И Егоров указал на небольшой шкафчик, висевший в углу спальни.

– Я взял упаковку со снотворным, – продолжил Егоров свой рассказ, – и вернулся к столику, чтобы налить воды. Чтобы подойти к столику, надо пройти мимо двери спальни. Когда я проходил там, мне послышался какой-то звук за дверью...

– Какой звук? – спросил Гуров. – Стук в дверь? Или, может быть, голос?

– Не могу точно сказать, – отвечал хозяин дома. – Точно не стук и не шорох, нет. Может быть, голос, но скорее... ско-

рее что-то похожее на стон. Мне захотелось узнать, кто это у нас стонет, кто не спит в два часа ночи, и я открыл дверь и вышел на площадку лестницы. Луна светила в окно гостиной, и в ее свете я увидел...

Тут речь Егорова-старшего прервалась, словно что-то сдавило ему горло. Юрий озабоченно склонился к отцу:

– Папа, тебе плохо? Может, ты не будешь пока рассказывать? Может, тебе лучше полежать?

Но Вадим Александрович решительно покачал головой.

– Нет, я должен все это рассказать, – сказал он. – Мне надо освободиться от этого воспоминания, а то оно меня задушит.

– Вадим Александрович прав, – поддержал миллионера Гуров. – Ему будет лучше, если он все это расскажет. Когда его воспоминание будет облечено в слова, когда он им поделится, ему станет легче. Скажите, что вы увидели?

– Там, внизу, в гостиной, я увидел... Юлю, – отвечал миллионер. – Она стояла посреди комнаты и смотрела на меня. Просто стояла и смотрела. Я тоже застыл в дверном проеме, не мог двинуться с места, не мог ничего сказать. Просто стоял и смотрел на нее. Не знаю, сколько времени это продолжалось. Потом она сделала шаг к лестнице и сказала: «Вот я и пришла, Дима». Надо сказать, что она всегда звала меня только так. Никогда не называла «Вадим» или «Вадик», а только «Дима».

«Вот я и пришла, Дима, – сказала она. – Ты рад?» Она говорила очень тихо, почти шепотом, но я слышал каждое сло-

во. У меня в сердце словно иголка вошла, такая боль охватила! Тупая такая игла в сердце... А еще перехватило горло, вот как сейчас, я не мог ничего ей ответить. Тут я заметил, что ее одежда окровавлена и лицо тоже. А когда она подняла руку, то я увидел, что и рука у нее тоже в крови. «Я вижу, ты не очень рад тому, что я вернулась, – продолжала моя мертвая жена. – Наверное, тебе лучше без меня. Тем более с тобой остался твой сын. Но я бы не советовала тебе слишком полагаться на сына. Я знаю, что ты сделал, и он тоже знает. Берегись его! Сейчас я тебе скажу один секрет. Только мне надо подойти ближе...» И она стала подниматься по лестнице. Этого я уже не мог вынести. Кажется, я закричал что-то нечленораздельное и бросился назад, в спальню. Я закрыл дверь, даже хотел задвинуть засов, но на это у меня уже не хватило сил. Я почувствовал, что теряю сознание...

– И что было потом? – спросил сыщик.

– Потом я пришел в себя уже здесь, на кровати, – отвечал Егоров. – Рядом с кроватью стоял Юра. Потом пришла Клава, она сделала укол болеутоляющего, сделала компресс, смочила мне лицо холодной водой, мне стало немного лучше. Юра расспрашивал меня, что случилось, и я рассказал ему, что я видел. Он убедил меня принять снотворное, а сам остался возле моей постели. А утром уговорил, чтобы я согласился встретиться с вами и все вам рассказать. Хотя я не хотел...

– Не хотели, потому что это очень личное? – спросил Гу-

ров.

– Не хотел, чтобы вы видели мою слабость, – отвечал Егоров. – Никто не хочет демонстрировать свою слабость, признаваться, что у него бывают видения...

– И хорошо сделали, что рассказали, – сказал сыщик. – В связи с вашим рассказом у меня возникло несколько вопросов. Значит, вы обратили внимание, что одежда и лицо вашей жены окровавлены?

– Да, она вся была в крови, – подтвердил хозяин дома.

– Но лицо не было изуродовано? Ведь после падения с такой высоты, да еще лицом вниз, бывают печальные последствия...

– Нет, она была так же красива, как при жизни. Пожалуй, даже красивее.

– А как она была одета? Она была в той одежде, в какой упала с обрыва?

Вадим Егоров не сразу смог ответить на этот простой вопрос. Видимо, этот вопрос раньше не приходил ему в голову. Он думал, наверное, с минуту, прежде чем сказал:

– Я как-то не думал, какая одежда была на ней. Но сейчас, когда вы спросили, стал вспоминать – и вспомнил, что нет – она была одета иначе. На прогулку она вышла в брюках и джемпере, сверху накинула еще кофту. А здесь, в гостиной, она стояла в вечернем платье. У нее есть такое бледно-голубое длинное вечернее платье. Она была в нем...

– Значит, она сказала, что знает, что вы сделали. Как вы

понимаете эти ее слова?

– Не знаю, как их понимать. Ведь я ничего не делал! Клянусь, я не толкал ее, даже не говорил ничего резкого, обидного...

– А еще она обещала сообщить вам какой-то секрет, касающийся Юрия. Как вы думаете, о чем идет речь?

Вадим Егоров быстро взглянул на сына и твердо заявил:

– Понятия не имею! Я уверен, что в жизни Юры нет ничего такого, что было бы для меня неприятным секретом.

– И эта женщина, которую вы видели, стала подниматься по лестнице?

– Да, она шагнула на первую ступеньку. Но почему вы так выразились: «женщина, которую я видел»? Вы что, считаете, что это была не она, не Юля?

– А что еще я должен думать, Вадим Александрович? – спросил Гуров. – Ваша жена вчера погибла. Она упала с высоты 56 метров на острые камни, а затем доползла до воды и утонула. Мертвые, как известно, не ходят и не говорят. И не делают угрожающих намеков, не пугают людей, у которых слабое сердце.

– То есть вы считаете, что все это мне не почудилось? Что Юля... или кто-то похожий на Юлю вошел в дом и говорил со мной? Но ведь входная дверь была закрыта!

– Открыть дверь – не такое большое дело, как кажется законопослушным людям, – отвечал сыщик. – Прodelать фокус с «призраком» – штука похитрее, но тут все вопросы то-

же решаемые. Поэтому я думаю, что капитан Соловьев вчера поспешил, когда заявлял, что случай ясный и расследовать здесь нечего. Событие, о котором вы рассказали, ставит перед нами множество новых вопросов, заставляет взглянуть на все случившееся по-иному. Да, скажите еще одну вещь. А во что была обута эта женщина, которую вы видели?

– Обута? – удивился Егоров. – Понятия не имею. Мне кажется... да, мне кажется, что она вообще не была обута, что шла босиком.

– Так я и думал, – кивнул сыщик. – Значит, вы говорите, что она очень была похожа на вашу жену?

– Она была не просто похожа, – отвечал Егоров. – Ночью я был убежден, что вижу Юлю. Сейчас, после ваших слов, я уже не так в этом уверен. Сейчас я уже не знаю, что и думать.

– Мне кажется, правильно будет думать, что вас пытаются запугать до смерти, – сказал Гуров. – Может быть, хотят вынудить вас к определенным действиям. К каким, пока не знаю. Пока что я хотел бы осмотреть то место в гостиной, где стояла эта женщина. Вы можете мне его показать?

– Да, сейчас я чувствую себя лучше. Пойдемте, я покажу это место, – сказал Егоров-старший.

Они вместе с Юрием вышли из спальни и спустились в гостиную. Егоров огляделся и указал сыщику место на ковре.

– Вот, пожалуй, то самое место, – сказал он.

Гуров опустился на корточки и внимательно осмотрел ковер. Он осматривал его внимательно, сантиметр за сантимет-

ром. И в одном месте остановился и воскликнул: «Ага!» Тут он пожалел, что с ним нет лупы. Затем пробормотал: «Ладно, приедут эксперты, они решат» – и продолжил осмотр пола. Затем он осмотрел запоры входной двери. На них не было никаких царапин, следов насильственного проникновения. После этого Гуров сказал хозяину дома, что тот может располагать собой как угодно и что лучше всего ему будет отправиться на прогулку вместе с сыном. А сам обошел всех людей, живших в усадьбе, – управляющего Безрукова, его дочь Ксению, горничную Клаву, повара Егора Трубникова, садовника Николая Щеглова – и со всеми побеседовал о ночных событиях. Он спрашивал всех этих людей, во сколько они легли спать, не слышали ли ночью каких-то звуков. Особый интерес у него вызывали слуги, жившие на первом этаже, – горничная, повар и садовник. Их сыщик расспрашивал с особым тщанием. Но все говорили примерно одно и то же – что ночью спали нормально и не слышали никаких особых звуков до того момента, когда в третьем часу ночи услышали чей-то страшный крик. Обе девушки – Клавдия и Ксения – от этого крика вскочили и побежали выяснять, что случилось. Управляющий и повар никуда не побежали, а повернулись на другой бок и продолжали спать. А садовник, как он заявил, даже крика не слышал. Это вызвало у Гурова некоторое удивление, но сейчас ему некогда было заниматься крепким сном садовника Щеглова, и он решил вернуться к этому вопросу позже.

К моменту, когда отец и сын Егоровы вернулись с прогулки, сыщик уже закончил свои расспросы и ждал их на лужайке возле дома.

– Вот что я вам хочу сказать, Вадим Александрович и Юрий Вадимович, – начал он. – Я все еще не знаю, что здесь происходит, но знаю, что вам обоим угрожает опасность. И я рекомендовал бы вам на время расследования уехать из этого дома. Правильнее всего было бы вернуться в Москву.

– Уехать? – удивился старший Егоров. – Но как же так? А Юля? Ее тело должны найти, и тогда надо организовать похороны... вызвать родных... Нет, я не хочу уезжать.

– В таком случае, может быть, вы согласитесь на это время переселиться в село Рыбкино? – предложил сыщик новый вариант. – Или в дом вашего друга и соседа, Кости Приходько? Я уверен, что он и его жена согласятся на такой вариант.

Однако Егоровы не согласились и с этими предложениями Гурова.

– Это наш дом, – твердо заявил Юрий. – И мы не позволим кому-то выжить нас отсюда. И потом, если вы считаете, что опасность достаточно серьезная, то почему она подстерегает нас только в нашем доме? Разве нам не будет опасно гулять по лесу? Купаться? Если задуматься, то там еще опасней, чем дома. Так что же, вообще не жить? Нет, мы с отцом на это не согласны. И потом, вы не можете нам сказать, от кого или от чего исходит эта опасность. От моей умершей

мамы? Или от каких-то злодеев?

– Да, пока что я не могу сказать ничего определенного, – согласился Гуров. – Я только чувствую, что опасность сгущается. Хорошо, я не буду настаивать на вашем отселении из дома. Живите в нем. Но только, прошу вас, будьте осторожнее! Может быть, будет правильным, если вы, Юра, станете ночевать вместе с отцом.

– Я согласен, – сразу ответил Юрий. – Я папе это еще вчера предлагал, только он не соглашался.

– Теперь я уже не буду возражать, – сказал Вадим Егоров. – Да, пусть Юра ночует в моей спальне. И мы будем соблюдать осторожность. Не будем ходить близко от обрыва, и все такое.

– Вот и хорошо, – кивнул сыщик. – А я постараюсь прояснить некоторые моменты, которые остаются для меня пока непонятными. Пока что я с вами расстаюсь, но это ненадолго – думаю вечером снова к вам заглянуть.

И сыщик повернулся и направился к дому Приходько. На ходу он составлял план предстоящего расследования. План получался насыщенный, и сыщик предвидел, что он будет наполняться новыми пунктами. «Да, хороший отдых у меня здесь получается», – подумал он.

Глава 7

Сформулировав в уме основные направления предстоящей работы, Гуров достал телефон и позвонил капитану Соловьеву. Когда капитан отозвался, сыщик рассказал ему о событии, взволновавшем семью Егоровых этой ночью.

– Как видишь, капитан, – сказал Гуров в заключение, – ты вчера поспешил заявить об окончании расследования. События продолжаются.

– Я не очень вас понимаю, товарищ полковник, – отвечал Соловьев. – О каких событиях вы говорите? Я еще вчера заметил, что у Вадима Александровича не все в порядке с психикой, отмечается повышенная возбудимость. Гибель жены его потрясла, он никак не может успокоиться. Что же удивительного в том, что ему являются разные видения? Ему нужна помощь психиатра, а не полиции. Что здесь может расследовать полиция? Я что, должен приехать и ловить окровавленный призрак, который является Вадиму Александровичу?

– Вон как ты все разложил, – отозвался Гуров. – С виду все вроде верно, но по сути дела – ерунду ты говоришь. Правда, я не сказал тебе одну важную деталь, но ты мог бы о ней и сам догадаться. А деталь вот такая. Вадим Егоров сказал, что призрак, который ему явился, был весь в крови. Я сразу подумал, что если это был все же человек, а не призрак и на

нем была кровь или, допустим, краска, то какое-то количество этого вещества могло остаться на полу. И я нашел такой след. Всего одну каплю вещества, похожего на кровь, но нашел. Так что придется кому-то из ваших криминалистов вернуться в усадьбу и взять эту каплю на анализ. Причем желательно, чтобы вместе с рядовым криминалистом приехал руководитель всей вашей криминалистической службы. У меня есть к нему один крайне важный вопрос. Теперь скажи, капитан, как обстоят дела с поиском тела погибшей Юлии Егоровой?

– Если коротко, то могу сказать – ищут, – отвечал Соловьев. – С утра к вам выехала вся команда водолазов, и с ними специалист-гидравлик, который изучит речные течения в этом районе и даст рекомендации, где можно найти тело погибшей.

– Но пока тело не нашли? – уточнил сыщик.

– Нет, не нашли, – подтвердил Соловьев.

– Хорошо, в таком случае я жду твоих криминалистов, – сказал Гуров.

– Может, и мне с ними подъехать? – спросил капитан.

– Может быть, и стоит, – ответил сыщик. – У меня такое чувство, что в ближайшее время события вокруг Вадима Егорова будут развиваться. Так что твое присутствие здесь может оказаться необходимым.

Убрав телефон, Гуров огляделся – и вместо того, чтобы вернуться в дом Приходько, повернулся и пошел прочь

от Волги, в глубину леса. Он пару раз заходил сюда, искал грибы. И кое-что, надо сказать, нашел – пару приличных подберезовиков, а в дубовой роще – целую семью крепких белых грибов. Во время этих прогулок сыщик доходил до края оврага, тянувшегося из глубины леса к реке. Из объяснений Кости Приходько Гуров понял, что это и есть тот самый Большой Буерак, о котором говорила Ксения Безрукова. Теперь сыщик хотел перейти на другую сторону этого оврага и осмотреть эти места.

Задумать такое обследование было легко, а вот выполнить этот план – трудно. Овраг оказался крутым и очень глубоким, по его дну тек ручей, берега которого были заболочены. Гурову пришлось долго искать место, где можно перейти ручей, не увязнув в грязи. А найдя такое место, он внимательно осмотрел землю в этом районе.

– Кто-то здесь определенно ходил, – сказал он, разговаривая сам с собой. – Но кто? Во всяком случае, это хорошо, что здесь так трудно перебраться через овраг. Да, это хорошо. Надо будет еще осмотреть место на берегу Волги, где этот ручей впадает в реку – как там выглядит переход...

Он перешел ручей и стал взбираться по противоположному склону. Это оказалось еще более трудной задачей, чем спуск к ручью. Но вот наконец сыщик выбрался на ровное место. Там он повернул и пошел назад, к Волге. По дороге он внимательно осматривал лес. Он искал тропу или какое-то подобие тропы – место, где в последнее время часто ходили

люди. Несколько раз он замечал участки, где вроде бы можно было пройти быстрее, чем в других местах. Но эти проходы вполне могли оставить кабаны – круглые катышки сыщик находил почти везде. Ведь и супруги Приходько предупреждали Гурова, что здешние леса густо заселены кабанами и что нужно быть осторожнее, особенно при встрече с кабанихой, у которой есть детеныши. Но сыщик, привыкший иметь дело с самым опасным существом среди всех живущих – с человеком, не боялся ни кабанов, ни тем более лосей или оленей.

Он шел больше часа, пока наконец не вышел на волжский обрыв. Впрочем, здесь обрыв выглядел не так живописно, как возле усадьбы Егоровых. Здесь берег плавно спадал к реке несколькими уступами, спускаться было нетрудно. Нашел сыщик и место, где ручей впадал в Волгу. Ручей здесь широко разливался по камням, перейти его, не замочив ног, было невозможно. И Гуров разулся и перешел ручей вброд. Здесь он сел на камни и снова обулся.

– А вот здесь пройти нетрудно, – сказал он, снова разговаривая сам с собой. – Если человек идет в сапогах или высоких ботинках, то и разуваться не надо. Да, здесь совсем нетрудно...

Этот пункт плана также был выполнен; теперь можно было возвращаться в дом Приходько. И сыщик направился туда. Только теперь он не стал повторять весь путь назад, через ручей, потом вверх по обрыву и затем еще через овраг Большой Буерак – он просто прошел дальше берегом Волги

и вышел к лестнице, которая вела к дому Приходько.

Возле забора дома Приходько он увидел машину с синей полосой на боку. Это означало, что криминалисты, которых он вызвал из Самары, уже приехали. Войдя в дом, он застал за столом целую компанию. Здесь сидели криминалист Суходольский, который приезжал сюда вчера, капитан Соловьев и незнакомый Гурову пожилой человек. Лиза Приходько угощала гостей чаем с домашним вареньем.

– Приветствую всех, – сказал Гуров, входя. – Давно ждете?

– Нет, мы лишь четверть часа назад приехали, – отвечал Соловьев. – И вот теперь нас чаем угощают. Давайте я вас познакомлю с нашим ведущим экспертом. Это руководитель всей экспертной службы здешнего управления майор Никита Семенович Старцев.

Гуров и Старцев пожали друг другу руки.

– У меня к вам есть два вопроса, – сказал сыщик экспертам. – Ответ на первый вопрос надо искать в усадьбе Егоровых, ответ на второй – на берегу. Давайте сначала пройдем в усадьбу.

И они вчетвером направились к усадьбе, в которой накануне произошла трагедия. Капитан Соловьев поднялся в кабинет хозяина, чтобы самому расспросить его о событиях сегодняшней ночи, а Гуров с криминалистами остались в гостиной. Сыщик, как и утром, опустился на четвереньки и начал искать крохотное пятно на ковре, которое он заметил

утром. Вскоре он нашел это пятнышко и указал на него экспертам. Суходольский достал пинцет и выдрал несколько ворсинок со следами неизвестного вещества, а затем поместил их в пробирку.

– Сегодня вечером сделаю анализ и завтра утром сообщу вам результат, – сказал он сыщику. – А какой второй вопрос, ответ на который нам надо искать на берегу?

– Давайте пройдем туда, на берег, – предложил Гуров. – Там я вам все объясню.

И они втроем двинулись обратно к лестнице, ведущей на волжский берег. А затем, уже спустившись, направились, к тому месту, где накануне произошла трагедия. Ниже по течению реки, примерно в полукилометре, они видели водолазов, продолжавших поиски тела погибшей Юлии Егоровой.

Место, куда упала женщина, было обозначено несколькими крупными камнями – это во время осмотра сделали криминалисты. Кроме того, кое-где в углублениях между камнями сохранились сгустки крови. Остальные следы смыло дождем, прошедшим вчера вечером и ночью. Гуров остановился прямо перед местом падения женщины и, обращаясь к Суходольскому, спросил:

– Скажите, вы осматривали камни только в этом месте?

– Нет, не только в этом, – отвечал криминалист. – Мы также изучили кровавый след, который тянулся к воде.

– Понимаю. А камни вокруг места падения вы осматривали?

– Да, мы осмотрели пляж в радиусе пяти метров от этого места.

– И что вы там нашли?

– В общем ничего, – отвечал криминалист. – А что мы должны были найти?

Гуров повернулся к руководителю криминалистического отдела управления майору Старцеву.

– Вы тоже так считаете, Никита Семенович? – спросил он. – Думаете, что в радиусе пяти метров от места падения тела нечего было искать?

Старцев внимательно взглянул на сыщика и ответил:

– Нет, я так не считаю. При падении на камни с такой высоты тело человека должно сильно разбиться. Во все стороны должны разлететься брызги крови, кусочки кожи. Я знаю случаи, когда у упавших отрывались пальцы, из глазниц вырывались глазные яблоки... Или раскалывался череп, и во все стороны разлетались частицы мозга...

– И все это могло отлететь даже дальше пяти метров, – поддержал его Гуров. – Я тоже знаю такие случаи. Почему же здесь ничего этого нет?

Криминалисты переглянулись.

– Признаться, я не знаю, как это объяснить, – сказал Суходольский.

– У меня тоже нет однозначного ответа, – кивнул Гуров. – Но есть одно предположение. Если женщина, упавшая с обрыва, упала на камни, то частицы ее тела должны разлететь-

ся далеко. Вот, смотрите.

И сыщик отошел от места падения, обозначенного камнями, на пять метров.

– Вот досюда вы смотрели, верно? – спросил он Суходольского.

– Да, примерно такое расстояние осматривали, – подтвердил криминалист.

– И ничего не нашли! А ведь брызги крови, частицы тела упавшего человека должны были разлететься гораздо дальше. Вот сюда должны были долететь!

И Гуров сделал еще несколько шагов в сторону от места падения.

– В диаметре двенадцати метров вы должны были находить остатки тела упавшей, – убежденно заявил он. – Такая картина всегда возникает при падении человека с большой высоты. Иная картина будет, если человек упал не на камни, а на какой-то материал, смягчивший падение.

– Да, верно! – воскликнул майор Старцев. – Если женщина упала на матрас или на спортивный мат, то она не должна была разбиться. В таком случае мы не могли найти частицы ее тела. И если мы их не нашли...

– Значит, Юлия Егорова упала на заранее заготовленное покрытие и не разбилась, – закончил за него фразу Гуров. – Удар о мат в любом случае должен был получиться сильным, болезненным – но не смертельным. Вот почему нет частиц тела и вот почему она осталась жива и смогла добраться

до воды!

– Да, скорее всего, здесь лежал спортивный мат или надувной матрас, – поддержал его Суходольский. – Но ведь ее муж рассказывал, что он глядел с обрыва и не видел никакого матраса! Он говорил, что видел только камни!

– Если кто-то догадался подстелить здесь мат, то он мог догадаться и о маскировке этого мата, – сказал Гуров. – Ведь это не так трудно – разрисовать покрытие под рисунок каменной.

– Да, это можно сделать, – согласился майор Старцев. – Заранее постелить мат, замаскировать его... Причем «несчастливая жертва» должна точно знать, где ей падать, она должна заранее изучить площадку на обрыве. Но в таком случае все меняется! Вы рисуете картину не несчастного случая, а тщательно подготовленного... даже не знаю чего, – сказал майор Старцев. – Назвать это преступлением нельзя – ведь никому, кроме самой Юлии Егоровой, не причинили никаких повреждений. Можно назвать это скорее розыгрышем, инсценировкой гибели хозяйки усадьбы. Но кому могла понадобиться такая инсценировка? Особенно с учетом того, что женщина пусть и не расшиблась насмерть, но покалечилась?

– Это уже другой вопрос, – сказал Гуров. – И искать ответ на него должны мы с капитаном Соловьевым, а не вы. А перед вами я хочу еще раз поставить такой вопрос: можно ли упасть с обрыва с высоты 56 метров на какое-то защитное

покрытие и после этого остаться в живых?

– Можно, конечно, провести следственный эксперимент, – сказал Старцев. – Даже не обязательно с живым человеком – можно и с манекеном, вроде тех, которые используют при проверке лобового столкновения автомобилей. В Тольятти на автозаводе есть такие манекены, мы пару раз их заимствовали у автопроизводителей.

– А пока мы не провели такой эксперимент, вы не можете дать никакого ответа? – настаивал сыщик.

– Почему же, могу, – отвечал Старцев. – Я уверен, что если защитное покрытие будет достаточно упругим и прочным, то упавший человек не только останется жив, но и не получит значительных повреждений.

– И такое покрытие, по-вашему, можно замаскировать, разрисовав его под рисунок камней?

– Можно сделать еще проще – закидать этот мат песком, – отвечал майор Старцев. – Вреда человеку этот песок не причинит, а маскировка хорошая.

– Но откуда в таком случае взялась кровь? – недоумевал Суходольский. – Может быть, этот мат был совсем тонкий и женщина все же получила повреждения?

– А вы установили, что это была именно кровь, а не другая жидкость? – спросил Гуров.

– Да, мы можем уверенно сказать, что это была человеческая кровь, – отвечал криминалист. – Причем ее было довольно много, не меньше ста миллилитров. Пока что мы

не можем точно сказать, была ли это кровь Юлии Егоровой. Для этого мы должны знать ее группу крови и другие данные. Когда мы вернемся в дом, я хочу поговорить с мужем и получить на руки медкарту погибшей. Хотя... правильно ли теперь называть ее погибшей? Если она упала на какую-то защитную поверхность, и поскольку мы до сих пор не нашли тела...

– Да, правильнее будет считать Юлию Егорову пропавшей, – сказал сыщик. – Но ее близким эту информацию сообщать пока рано. Эта информация не должна выйти за пределы управления.

– Понимаю... – протянул Старцев. – Ведь теперь у нас на глазах меняется вся картина происшедшего. Ведь если здесь лежало какое-то защитное покрытие, значит, его кто-то заранее положил. А потом, когда Егоров убежал с обрыва, быстро убрал этот мат или матрас. Значит, здесь был еще один человек! И в таком случае это точно была инсценировка. Причем тщательно продуманная и подготовленная инсценировка!

– Совершенно верно, – согласился Гуров. – Я не сомневаюсь, что тут действовали как минимум двое. А может быть, и трое. И как хитро все было придумано! Я, признаться, еще не сталкивался с преступлениями такого рода – с имитацией гибели в результате падения с высоты.

– Подождите, но вы так и не ответили на вопрос о крови, – напомнил ему Суходольский. – Откуда взялась кровь

на камнях?

– Видимо, сообщник «погибшей» принес ее с собой, – отвечал сыщик. – Или прямо здесь, на пляже, Юлия Егорова нанесла себе рану и дождалась, пока вытечет достаточно крови. Но в этот второй вариант я как-то не верю. Я думаю, что кровь принесли с собой. И когда защитное покрытие было убрано, ее разлили вокруг места падения, а также по пути к реке.

– Но в таком случае женщина и не тонула! – воскликнул Старцев. – А значит, водолазы напрасно исследуют дно Волги и изучают придонные течения. Никакого тела в реке нет и никогда не было!

– Скорее всего, не было, – согласился Гуров. – Так что водолазам не следует прикладывать все силы, трудиться днем и ночью, чтобы добиться результата. Но и прекращать поиски не нужно. Ведь в таком случае преступники догадаются, что мы разоблачили их игру. Нет, мы должны сделать все, чтобы они ничего не заподозрили. Пусть поиски продолжаются, но без особого напряжения.

– Да, вы заставили нас взглянуть на всю эту картину совсем иначе... – сказал Старцев, качая головой. – Несчастный случай превратился в хитрую инсценировку, жертва несчастного случая, в обманщицу... А еще откуда-то появился ее сообщник... Словно картинку в калейдоскопе перевернули, и появился совсем другой узор. Да, тут вам с капитаном есть что расследовать.

– Как видите, мы не зря трудились, спускаясь сюда с обрыва, – сказал на это Гуров. – А теперь давайте вернемся назад в дом. Ведь вы хотели получить медкарту Юлии Егоровой, верно?

– А еще я хочу взять кровь на анализ у ее сына Юрия, – отвечал Суходольский. – Надо убедиться, что кровь на камнях принадлежит ей, а не кому-то другому.

– А еще вам нужно будет потом, в лаборатории, исследовать ту каплю крови, которая осталась на ковре, – напомнил Гуров. – Так что вам есть что исследовать. И было бы неплохо проделать этот следственный эксперимент, о котором вы говорили, – с манекеном, сброшенным с обрыва. Может быть, вы уже завтра сможете это сделать? Только хочу напомнить о нашем уговоре: ничего не рассказывать отцу и сыну Егоровым о том, что мы обнаружили, на берегу. Вообще в доме не надо говорить о наших открытиях, сделанных здесь, под обрывом. Ни слова о защитном покрытии, о наших предположениях. Договорились?

– Договорились, Лев Иванович, – отвечал Старцев.

Глава 8

Когда они втроем вернулись в дом, в гостиной они встретили капитана Соловьева, коротавшего время в одиночестве. Он сообщил, что подробно расспросил Вадима Егорова о ночном происшествии, постарался его по возможности успокоить. И Егоровы действительно успокоились и решили отправиться на длительную прогулку по здешним дубовым лесам.

– Юрий заверил меня, что они не будут приближаться к обрыву и вообще будут вести себя крайне осторожно, – сказал капитан. – Он рассказал мне, что вы их предупреждали о грозящей опасности, вот я и старался их успокоить. Но, между нами говоря, Лев Иванович, какую опасность вы здесь видите? Какую опасность могут представлять видения возбужденного и расстроенного человека? Да, и скажите мне:

почему у вас троих такой загадочный вид, словно у заговорщиков?

– Я все объясню, капитан, – отвечал Гуров. – Но только не здесь. Ты ведь понимаешь: стены также имеют уши. А я не хочу, чтобы кто-нибудь в этом доме услышал ту информацию, которой мы с коллегами-криминалистами обзавелись там, под обрывом. Заметь, новые данные полностью меняют картину того, что здесь вчера случилось. Я все расскажу тебе, когда мы вернемся в дом Кости Приходько.

Он повернулся к криминалистам.

– Мы вас здесь оставим, – сказал он. – Ведь вам нужно получить от Егоровых медкарту Юлии, а также взять у Юрия кровь на анализ. А мы с капитаном пройдем в соседнюю усадьбу.

И они с Соловьевым отправились в дом Приходько. Едва они вышли за ограду усадьбы Егоровых, капитан спросил:

– Так что же такое произошло на берегу, что заставило вас вернуться в дом с видом заговорщиков?

– Просто я поделился с нашими криминалистами одним своим сомнением, которое у меня вчера возникло, – отвечал Гуров. – И это мое соображение произвело на них большое впечатление. Потому что оно меняет всю картину того, что вчера случилось на обрыве. Это соображение касается характера следов падения, которые мы вчера наблюдали...

И сыщик рассказал Соловьеву о своих сомнениях относительно картины падения Юлии Егоровой с обрыва, об отсутствии следов такого падения, абсолютно смертельного для любого человека, и о выводах, которые он, Суходольский и Старцев сделали.

– Понимаешь, капитан, что в результате получается? – сказал Гуров в заключение своего рассказа. – Мы получаем совсем другую картину этого происшествия!

– Да, вы правы, – отвечал Соловьев. – Вся картина переворачивается, словно в калейдоскопе. Выходит, не было никакого случайного падения! Юлия Егорова не оступилась в пы-

ду ссоры – она фактически прыгнула с обрыва в заранее намеченном месте. Тогда получают объяснение те странности, которые вы отмечали в этом эпизоде. Становится понятным, почему жена отвернулась от мужа и шагнула к обрыву, хотя он ее не толкал. И почему она поползла к реке и утонула – но тело не могут найти второй день.

– Нет, ты не сделал всех выводов из моего рассказа, – заметил Гуров. – Юлия Егорова не ползла к реке и не тонула в ней – это тоже было частью инсценировки. Вот почему водолазы второй день не могут найти тело утонувшей женщины. И они его никогда не найдут! Да, находят объяснение эти странности в том числе и загадочный призрак, явившийся Вадиму Егорову сегодняшней ночью.

– То есть вы считаете, что это никакой не призрак, что это был реальный человек? – спросил капитан.

– Конечно! Это был реальный человек, имеющий имя. И зовут его Юлия Егорова. Пойми, капитан: призраки не оставляют следов. А это ночное видение оставило след на ковре. Суходольский еще будет делать анализ, но я уверен, что анализ подтвердит: это кровь Юлии.

– Но зачем ей было устраивать весь этот спектакль? Ведь не для того, чтобы еще раз напугать мужа, заставить его мучиться и звать на помощь сына!

– Ты ошибаешься. Как раз для этого весь спектакль и затевался. Я убежден: Юлия Егорова действует совершенно сознательно и хладнокровно. Ее план основан на одном:

на том, что у ее мужа наблюдается сердечная недостаточность. Он уже перенес один инфаркт, второй может его убить. Сильные переживания, стрессы для него губительны. Возможно, прекрасная Юлия надеялась, что хватит и одного переживания от ее падения с обрыва, что Вадим Егоров не переживет этой картины: вида своей жены, лежащей под обрывом. Однако Вадим Александрович оказался крепче, чем она думала. И тогда она пустила в ход вторую свою заготовку, и появился призрак, стоящий посреди гостиной и говорящий замогильным голосом: «Я знаю, что ты сделал!» И если этого не хватит, она будет повторять эти ночные спектакли, пока не добьется результата.

– Но постойте, тут одно с другим не вяжется, – заявил Соловьев.

И, словно в подтверждение своих слов, застыл посреди лесной тропы.

– Ведь Юлия не может получить от смерти мужа никакой выгоды! – продолжал капитан. – Она не сможет вступить в права наследования, поскольку для всех она вроде как умерла. И все деньги Егоровых достанутся их сыну, Юрию. Постойте, а может быть...

Капитан вновь застыл, пораженный еще одной, совсем уже смелой, мыслью.

– А что, если Юрий находится в сговоре с матерью? Что, если они заранее договорились поделить отцовское состояние и зажечь каждый так, как считает нужным? А вся эта

забота Юрия об отце, его переживания в связи с его плохим здоровьем – сплошная ложь? Показуха? Если так, тогда все складывается! Вся картина становится логичной. Но в таком случае нам нужно предположить, что это Юра стелил матрас или другое защитное покрытие на берегу Волги, а потом убирал его. Но этого не могло быть! Ведь в то время, когда его родители отправились на прогулку, он сидел в своей комнате над учебниками... Или не сидел?

– Мне этот вопрос уже приходил в голову, – признался Гуров. – И я, когда беседовал со слугами – с горничной Клавой, поваром Егором, садовником Николаем, – задавал в том числе и вопрос о том, где находился Юра во время прогулки родителей.

– И что сказали слуги?

– Садовник не был в доме, и потому ничего на этот вопрос ответить не мог. Повар был занят на кухне, но он вспомнил, что слышал голос Юрия, доносившийся со второго этажа. А две девушки – горничная Клавдия и дочь управляющего Ксения Безрукова – уверенно заявили, что Юра был дома. Так что эта версия не работает. Юрий не мог стелить маты на берегу, а затем спешно их убирать. Тут действовал другой человек. Но знаешь, что я хочу тебе сказать? Хочу сказать: вот видишь, как ты далеко зашел, когда стал мыслить трезво? Однако давай не будем стоять на месте, пойдем дальше, в дом. А то комары совсем сожрут. Они к вечеру совсем злые становятся... Мы еще успеем с тобой перебрать разные ва-

рианты случившегося. И мы обязаны заняться этой работой. Перебрать все возможности, ничто не отбрасывать...

– Значит, вы также пришли к этой мысли? – спросил удивленный капитан. – К мысли о том, что Юрий находится в сговоре с матерью?

– Я еще вчера вечером, когда впервые услышал всю историю про падение с обрыва, допускал такое предположение, – отвечал сыщик. – А когда утром узнал о ночном призраке, почти утвердился в этой идее. Ведь ты помнишь рассказ Вадима Александровича? Помнишь, что ему говорил призрак? «Я бы не советовала тебе слишком полагаться на сына» – вот что сказала эта женщина в белом. И потом еще она сказала: «Берегись его!»

– Что-то я вас не понимаю, Лев Иванович, – заметил на это Соловьев. – Ведь это прямо противоречит тому, что вы только что сказали, – насчет того, что Юрий может быть в сговоре с матерью и они планируют вдвоем сжить отца со свету. А теперь одна участница сговора предупреждает жертву не доверять второму участнику! Где же тут логика?

– Это только на первый взгляд кажется, капитан, что здесь нет логики, – отвечал на это Гуров. – Юлия и ее сын хорошо знают, что из себя представляет Вадим Александрович. Ведь как он составил свое состояние? Он его составил, сделав удачное изобретение, а затем вовремя его запатентовав. О чем это говорит? О его выдающихся умственных способностях, вот о чем. Значит, с этим человеком нельзя действо-

вать напрямую, с ним надо похитрее. Вот Юлия и начинает наговаривать на сына. Вадим Александрович должен почувствовать в ее словах подвох – и в результате станет еще больше доверять Юрию. Вот на это, мне кажется, они и делают расчет.

– Как хорошо, однако, вы изучили эту семью! – заметил капитан. – И когда только успели? Ведь, как я понимаю, вы только два дня назад с ними познакомились.

– Что ж, в нашей профессии надо уметь всякую информацию на лету схватывать, – отвечал на это Гуров. – Значит, смотри, капитан. Я тебе изложил все данные, в свете которых события в доме Егоровых выглядят в совершенно новом свете. Теперь ясно, что мы имеем дело не с несчастным случаем, а с чем-то совершенно другим. Майор Старцев, ваш криминалист, назвал это инсценировкой. Но ведь ясно, что эти люди не шутят, не театром на природе занимаются. Нет, они хотят добиться смерти Вадима Егорова! А значит, мы имеем дело с хладнокровным, хорошо подготовленным преступлением. Но я считаю, что пока мы должны скрывать от жертвы этого преступления, то есть от Вадима Егорова, подоплеку дела. Я хочу, чтобы участники преступной группы проявили себя, дали нам в руки больше доказательств их деятельности. Мы уже договорились с вашими криминалистами, со Старцевым и Суходольским, что будем помалкивать о нашем открытии. Эта информация не должна выйти за пределы управления! Будет лучше, если о наших выводах

никто не будет знать, кроме нас четверых: тебя, меня и двух криминалистов.

– И водолазам ничего пока не говорить? – уточнил Соловьев.

– Водолазам тем более нельзя ни о чем таком говорить, – отвечал сыщик. – Иначе они сразу прекратят поиски или будут вести их спустя рукава. И тогда преступники сразу догадуются, что их разоблачили, что нам все известно, и затаятся. Так что водолазам пока что...

Он не успел договорить фразу, когда увидел, что на встречу им от лестницы, ведущей вниз, к реке, спешит один из тех водолазов, о которых он говорил. Увидев оперативников, этот человек перешел на шаг и закричал:

– Хорошо, что я вас встретил! Меня бригадир послал сказать, что мы нашли!

– Нашли? – воскликнул Соловьев.

– Что нашли? – вторил ему сыщик.

– Нашли, что искали! Тело, конечно. Тело той женщины, что с обрыва упала, – отвечал водолаз.

– И где она? – спросил капитан.

– Лежит на берегу, где мы ее нашли.

Соловьев повернулся к сыщику.

– Что же это значит? – в недоумении воскликнул он. – Это опять все меняет! Значит, Юля Егорова все же погибла!

– Погоди делать выводы, – отвечал Гуров. – Сначала надо установить, что найденное тело действительно принадлежит

погибшей Юлии Егоровой. Надо вернуться в усадьбу и сказать отцу и сыну. Они должны опознать найденную женщину.

– Насчет опознания не знаю, как оно получится, – снова подал голос водолаз. – Там раки над ней сильно потрудились, так что от лица мало что осталось. Крепкие нервы нужно иметь, чтобы на это смотреть.

– В таком случае с опознанием мы пока подождем, – решил Гуров. – А вот криминалистам тут точно найдется работа. Да и нервы у них крепкие. Очень удачно получилось, что они еще не уехали, остались ждать Юрия. Вот как мы сделаем, капитан. Ты вернись в усадьбу Егоровых, найди криминалистов и потихоньку скажи им о находке. Но только потихоньку, чтобы отец с сыном ничего не слышали. Особенно важно, чтобы Вадим Александрович ничего не узнал. Изобрази какой-нибудь предлог, почему криминалистам нужно срочно уйти с тобой. И вместе спускайтесь к Волге. А я сейчас туда пойду.

Капитан нахмурился: было ясно, что ему не понравилось, что его заставляют выполнять роль курьера, в то время как Гуров сразу увидит находку, сделанную водолазами. Но в полиции приказы выполняют, а не обсуждают. И Соловьев повернулся и пошел назад, в усадьбу Егоровых. А Гуров в сопровождении водолаза поспешил к лестнице.

Глава 9

Спустившись к Волге, они повернули не налево, как обычно делали, а направо, вниз по течению, в направлении села Рыбкино. Прошли около двухсот метров и увидели кучку людей, стоявших на берегу. Подойдя ближе, Гуров увидел сделанную водолазами находку. На камнях лежало тело, накрытое брезентом. Видны были только ступни ног. Сыщик сразу отметил, что кожа на ногах почернела и вздулась, и нескольких пальцев не хватает. Он сначала приподнял брезент возле ступней и убедился, что найденный человек был одет в женские легкие брюки. Затем он приподнял брезент с другого края и взглянул на лицо трупа – вернее, на то место, где когда-то было лицо. Сейчас там ничего не было – руки, а может, и рыбы хорошо потрудились. Но, судя по длинным волосам и женской блузке, это была женщина.

– Где вы ее нашли? – спросил он у бригадира водолазов. – Наверное, где-нибудь на самом дне, далеко от берега?

– Да нет, не так уж далеко, – отвечал бригадир. – Метрах в пятидесяти от берега нашли. Мы даже удивились: вроде вчера примерно в этом месте искали, там ничего не было. А сегодня прочесали следующий участок дна – и нашли.

– Надо еще руки посмотреть, – пробормотал Гуров.

Он приподнял один край брезента, потом другой и осмотрел руки покойницы. На указательном пальце левой руки он

заметил кольцо. Больше смотреть здесь ему было нечего – дальнейшие выводы могли сделать только специалисты. Надо было их дожидаться.

– А нам теперь что делать, товарищ полковник? – спросил бригадир водолазов. – Искать здесь теперь вроде больше нечего...

– Можете собираться и возвращаться в Самару, – отвечал сыщик. – Искать здесь действительно больше нечего. Женщину, которая два дня назад упала с обрыва, вы нашли. Напишите докладную на имя капитана Соловьева, укажите время, место, другие обстоятельства обнаружения тела. Только вот что: вы погрузитесь, но не уезжайте. Потому что на вашем катере мы и эту вашу находку в город, в морг, доставим.

Водолазы принялись собирать снаряжение и вызвали катер, который должен был переправить их в город. А Гуров сел на гальку ждать экспертов.

Ждать ему пришлось недолго: не прошло и часа, как на лестнице показались знакомые фигуры криминалистов, которых сопровождал капитан Соловьев. Почти бегом они подошли к месту, где лежала утопленница. Майор Старцев сразу снял с тела брезент, и они с Суходольским наклонились над ним. Суходольский достал набор инструментов, которым пользуются эксперты при осмотре мертвых тел. Капитан Соловьев тоже было склонился над утопленницей, но увидел то, что осталось от ее лица, и сразу отошел в сторону. А криминалистов ужасный вид трупа не пугал – они были люди

привычные.

Осмотр продолжался примерно полчаса. Затем оба эксперта встали, вполголоса обменялись несколькими фразами, и майор Старцев сказал:

– Ну теперь ее можно забирать. У себя в лаборатории мы сделаем подробный анализ всех показателей и дадим полное заключение. Но уже сейчас можно кое-что сказать.

– Так, и что это? – спросил Гуров. – Что вы можете сказать уже сейчас?

– Это тело принадлежит женщине, и женщине не юной, – отвечал криминалист. – Точнее ее возраст я определить пока не могу, но ей никак не меньше тридцати. Погибла она в результате утопления, явных следов насильственной смерти мы не наблюдаем. Но что самое важное – что тело было в воде довольно долго, не меньше недели. Это видно по повреждению кожных покровов и по ряду других признаков.

– Неделя?! – воскликнул Соловьев. – Значит, это все же не Егорова?

– Нет, это тело не может принадлежать женщине, упавшей в реку два дня назад, – отвечал Старцев. – Я, конечно, должен провести анализ крови, сравнить с кровью, которую мы вчера собрали на берегу. Но данные первичного осмотра говорят, что это, скорее всего, не Егорова.

– Тогда кто же это? – продолжал недоумевать капитан.

– А вот это ты и должен установить, – сказал ему Гуров. –

Как только вернешься в управление, проверь все сообщения о женщинах, пропавших без вести за последние недели. Может быть, даже за месяц. Судя по одежде, это могла быть дама без определенного места жительства, то есть попросту бродяжка.

– Но как она оказалась здесь, в районе гибели Юлии Егоровой? – спросил Соловьев. – Это что, совпадение?

– Я не верю в совпадения, капитан, – сказал на это Гуров. – Нам надо установить, кому принадлежит это тело и как оно оказалось здесь. И вот еще что.

Он сделал знак криминалистам, чтобы они подошли ближе, и сказал, чтобы слышали они и Соловьев, а до водолазов, сидевших на камнях возле пришедшего за ними катера, не доносилось ни слова:

– Пока только мы с вами знаем, что найденное здесь тело не принадлежит Егоровой. И водолазам об этом не говорите. У нас продолжает сохраняться режим секретности.

– Так что же, вы и отцу и сыну Егоровым не скажете, что в Волге найдено мертвое тело? – спросил Соловьев.

– Нет, сказать все же придется, – решил сыщик. – Обман – это плохая политика, рано или поздно он все равно вскроется. Но я, конечно, не буду говорить о наших выводах, о том, что утопленница не могла быть Юлией. Скажу, что проводятся исследования, что позже их вызовут для опознания. А сказать нужно еще и для того, чтобы преступники узнали о том, что мы нашли тело.

– А как они узнают? – удивился майор Старцев. – Ведь не от водолазов же?

– Почему, может быть, что и от водолазов, – отвечал сыщик. – Я не исключаю того, что у кого-то из преступников есть доверенный человек в управлении. А может быть, с ними связан кто-то из слуг, работающих в усадьбе. Нельзя исключать никакой возможности. Ладно, капитан, грузите тело на катер и можете возвращаться в Самару. Доложи руководству, что несчастным случаем тут и не пахнет, что дело серьезное.

– Но как я его буду квалифицировать? – задумался капитан. – Статья «Убийство» здесь не подходит, никто никого не убивал. Нет ни «Мошенничества», ни «Ограбления». Да здесь вообще ни одной уголовной статьи пока нет!

– Давай пока квалифицировать это событие как «Попытку завладения чужим имуществом», – посоветовал Гуров. – Это мы можем предположить с достаточной определенностью. А потом можем переквалифицировать дело на другую статью. Завтра утром созвонимся. У ваших криминалистов к этому времени должна появиться информация по всем анализам, которые они здесь брали. Ну и найденный труп патолог успеет исследовать, я думаю, к обеду он может дать свое заключение. Да, и помнишь, я тебе велел поискать пропавших людей? Завтра я надеюсь получить от тебя результаты этих поисков.

– Но вы ведь не думаете, Лев Иванович, что эти данные

будут у меня уже утром? – осторожно спросил капитан. – На сбор таких данных требуется время...

– Хорошо, не будем спешить, – согласился Гуров. – Даю тебе время до обеда. Но к обеду я хочу иметь полную картину всего, что мы узнали за сегодняшний день. Может быть, к этому времени и у меня появится какая-то новая информация.

– Вы думаете, за ночь может еще что-то случиться? – спросил капитан.

– Не исключаю, – отвечал сыщик. – Даже уверен, что такая информация появится. Понимаешь, капитан, при той тактике, которую избрали преступники – а я уверен, что мы должны говорить именно о преступной группе, – им нельзя терять ни одного дня. Точнее, ни одной ночи. Они должны постоянно усиливать давление на психику Егорова, чтобы она не выдержала, чтобы его сердце не выдержало этой страшной нагрузки. Так что ночью многое может случиться.

Водолазы помогли криминалистам погрузить тело погибшей женщины на катер, после чего он отчалил от берега. Гуров постоял, наблюдая, как катер, везущий его коллег, выходит на середину реки и берет курс к далекому левому берегу Волги, после чего медленно побрел назад, к лестнице, а затем к дому Приходько.

Там, в доме, его снова ждали хозяева, сидевшие в ожидании возле накрытого стола. Увидев эту картину, сыщик только руками развел.

– Слушайте, так не годится, – сказал он. – Если так дело пойдет, то вы вообще ужинать не будете. Или будете садиться за стол ближе к полуночи. Ведь расследование – это дело такое, оно время пожирает, как теплая вода – снег. Когда идет расследование, я часто вообще забываю о еде. Но к вам это не должно относиться – ведь вы расследование не ведете! Кроме того, я терпеть не могу, когда я невольно заставляю людей ждать. А чем это так вкусно пахнет?

– Жареным карасем, чем же еще? – отвечала Лиза Приходько. – Хватит рассуждать, идите мойте руки и садитесь за стол.

Следующие полчаса прошли в почти полном молчании – сидящие за столом были заняты оценкой качества приготовленного карася. Но когда перешли к чаю, хозяева уже не смогли сдержать своего любопытства и закидали сыщика вопросами. Им хотелось знать обо всем, что случилось за день. Почему Юрий прибежал утром с таким видом, словно что-то необычное случилось? Зачем снова приезжали криминалисты? Чье тело нашли водолазы?

Гуров не видел оснований что-то скрывать от своих друзей. К тому же он знал, что такого рода рассказы помогают расследованию: излагая события, связывая их одно с другим, давая каждому объяснение, он устранял пробелы в своих умозаключениях. Такие рассказы позволяли лучше увидеть какие-то огрехи в собственных выводах. Поэтому он рассказал супругам Приходько все, что узнал за сегодняш-

ний день, и все, что случилось за этот день. Рассказал о женщине, которую Вадим Егоров увидел посреди своей гостиной, о ее словах, обращенных к нему. Рассказал и о своих подозрениях относительно падения Юлии Егоровой на камни, об отсутствии следов крови на этих камнях. Поведал и о теле, которое водолазы нашли в реке, и о тех первых выводах относительно этого тела, которые сделали криминалисты Старцев и Суходольский. Надо ли говорить, что его рассказ был выслушан с огромным интересом и его ни разу не прерывали какими-то вопросами и замечаниями?

Когда Гуров закончил, Костя Приходько сказал:

– Значит, что же получается? Что Юля не падала с обрыва? То есть падала, конечно, но падала не случайно, а нарочно? И что она до сих пор жива?

– Да, получается, что так, – отвечал сыщик. – Получается, что она падала, но падала, точно зная, что с ней ничего не случится.

– И вы полагаете, что все это затеяли они с Юрой, чтобы свести отца в могилу и завладеть его имуществом? – спросила, в свою очередь, Лиза.

– А что еще я могу думать? – ответил Гуров вопросом на ее вопрос. – Ведь не могу я думать, что это просто веселый розыгрыш! И что «погибшая супруга» завтра утром придет домой и скажет: «А вот и я!» После чего вся семья отметит ее возвращение...

– Да уж, тут никакой не розыгрыш, – согласился Констан-

тин. – Но... Юлия, конечно, всегда казалась женщиной себе на уме, так сказать, человеком с двойным дном, но чтобы до такой степени...

– А чего тут удивляться? – возразила Лиза. – Ты вспомни всю эту историю, как вы трое за ней ухаживали, а она выбирала – кто побогаче, кто ей лучшую жизнь обеспечит! Всех вас троих за нос водила, то одного поманит, то другого. Откуда Вадим свою ишемическую болезнь сердца заработал? Оттуда, от прекрасной Юлечки! А Борьку Воронова она вообще погубила, со свету свела. Я все эти годы помалкивала, но теперь скажу: я всегда считала ее бессердечной, злобной теткой. А вся эта ее любовь к театру, ее «высокая культура» – это все показное.

– А откуда ты знаешь о наших ухаживаниях за Юлей? – удивился Костя. – Я всегда был уверен, что это для тебя тайна...

– Нет, дорогой, никакой особой тайны тут для меня давно нет, – отвечала Лиза. – Часть правды я узнала еще тогда, когда с тобой познакомилась, – мне это другие ваши сослуживцы рассказали. А часть потом Вадим Егоров поведал, проговорился.

– Да, вот еще новости... – покрутил головой Костя.

– Да, Константин, от жены что-то скрыть трудно, – заметил на это Гуров. – Я, например, стараюсь от Марии ничего не скрывать.

– Ладно, давай еще эту ситуацию у Егоровых обсудим, –

сказал Приходько. – Пусть ты права относительно Юлии Аркадьевны. Но Юра-то ведь совсем другой! Он парень умный, не шалопай какой-нибудь...

– Но ведь ты сейчас не о душевных качествах говоришь, а только о способностях, – не согласилась с мужем Лиза. – Да, Юра парень умный. Но что из этого? Разве все убийцы – сплошь идиоты? Вот спроси у Льва Ивановича: бывают среди преступников умные люди?

– Охотно отвечу – да, бывают, – сказал Гуров. – Иногда такие сложные схемы преступлений придумывают – хоть в институт такого злодея бери, научной группой руководить. Или в крупную компанию, новые направления развития продвигать. Тут вы правы, Елизавета Петровна: глубокий ум не обеспечивает высоких душевных качеств, и умный, развитый человек вполне может совершить любое преступление.

– Но, если они такие умные, так все рассчитали, почему совершают ошибку за ошибкой? – продолжал недоумевать Приходько. – Зачем подсунули вам какое-то тело, пролежавшее в воде неделю? Разве они не понимали, что вы сразу разоблачите этот обман?

– Скорее всего, не понимали, – ответил Гуров. – Рассчитывали на то, что полиция заинтересована поскорее закрыть дело. Или на то, что тело утопленницы найдут попозже – тогда даже эксперты мало что сказать смогут. И ведь их расчет отчасти оправдался! Капитан Соловьев так сразу мне и за-

явил, что перед нами несчастный случай и расследовать тут нечего. И если бы я заранее не вызвал сюда криминалистов и они не обследовали найденную утопленницу уже на берегу, после обнаружения, то ее тело, скорее всего, пролежало бы в морге несколько дней, прежде чем кто-то обратил на него внимание. Родственники бы на него и смотреть не стали – я же вам говорил, вид у тела ужасный. И утонувшую женщину признали бы за погибшую Ю. Егорову и дело закрыли.

– Хорошо, пусть так! – сказал Константин. – А потом что? Допустим, Юля с помощью сына смогла бы довести Вадима до второго инфаркта и он бы отправился на тот свет. А ей, Юле, от этого какая выгода? Ведь мертвые не могут вступить в права наследства!

– Возможно, она собиралась «ожить» где-то вдали отсюда, под другим именем, – отвечал на это Гуров. – Рассчитывала – и теперь еще рассчитывает, – что Юрий, вступив в права наследства, выделит ей часть богатств отца. Может, и какой-то другой расчет был, не знаю. Я твердо знаю одно: в этом деле нет ни капли эмоций, никаких «люблю» и «не люблю». Только голый расчет, просчитывание ходов на несколько шагов вперед.

– Как же вы собираетесь поломать их планы? – спросила Лиза. – И вообще, как вы планируете довести дело до суда? Ведь пока что у вас нет никаких доказательств их вины, одни только предположения?

– Вы правы, Лиза, пока у меня на руках только предполо-

жения, – согласился Гуров. – Я вижу, как одно объяснение произошедшего не вяжется с другим, и на основании этого делаю вывод о виновности одних и невиновности других. Для суда этого, конечно, мало. Но я уверен, что преступники будут предпринимать дальнейшие действия. И в ходе этих действий они будут разоблачать себя. В результате я рассчитываю их поймать. Кроме того, я дал задание криминалистам провести следственный эксперимент: сбросить с обрыва манекен, имеющий все свойства человеческого тела. Манекен должен упасть на заранее расстеленный мат. И, если он при этом не получит значительных повреждений, мы докажем, что такое возможно, что Юлия Егорова подстроила свое падение и что она до сих пор жива.

– Так-то оно так, – сказал, побряхтев, Костя Приходько. – Но ведь в результате этих дальнейших действий у Вадима может случиться еще один приступ, и сердце не выдержит. И для него всякие доказательства станут уже неважны...

– Да, этот вариант я тоже держу в уме, – сказал сыщик. – И хочу его не допустить. Я потому и предлагал Вадиму Александровичу на время переселиться к вам, но он отказался. Возможно, надо будет повторить такое предложение, только более настойчиво. Кстати, я вас-то и не спросил, согласны ли вы на такой вариант?

– Конечно, согласны, – отвечала Лиза. – Вы же видите, дом у нас достаточно просторный. Не такой большой, конечно, как у Егоровых, но еще одного-двух человек поселить

вполне можем. Так что зовите, не стесняйтесь.

– Завтра будет понятно, надо ли делать такое предложение, – сказал Гуров.

Глава 10

Как оказалось, ждать до завтрашнего утра сыщику не пришлось. По профессиональной привычке он спал чутко, и потому ночью первым проснулся, расслышав сквозь сон, что кто-то стучится в калитку. Гуров быстро встал, вышел из дома и открыл калитку. За воротами он увидел управляющего усадьбой Егоровых Игоря Безрукова.

– Вас-то мне и надо! – воскликнул он, увидев Гурова. – Идемте скорее, у нас опять беда!

– А что стряслось на этот раз? – спросил сыщик.

– Вадим Александрович опять Юлию Аркадьевну видел, – объяснил управляющий. – Только на этот раз снаружи, в парке. Ему сразу плохо стало, сознание потерял. Клавдия ему уже укол сделала, и мы «Скорую» вызвали. Но Юрий Вадимович просил, чтобы вы срочно подошли. Чтобы, если отец придет в сознание, он мог вам рассказать, что случилось, прежде чем его в больницу увезут.

– Хорошо, я сейчас, только оденусь и телефон возьму, – отвечал сыщик.

Спустя несколько минут они с управляющим быстро шли по направлению к усадьбе Егоровых. Было около четырех часов утра, небо на востоке только начало светлеть.

– Так откуда вам известно, что именно видел Егоров, если он после увиденного сразу потерял сознание? – спросил

Гуров своего спутника.

– Я, наверное, неточно выразился, – отвечал Безруков. – Вадим Александрович не сразу сознание потерял. Он еще успел крикнуть, разбудить сына. А тому не надо было далеко идти – он ведь теперь тут же рядом спит, в комнате отца. Ну, Вадим Александрович и успел ему кое-что рассказать, а уже потом сознание потерял.

– А вы сами ничего не слышали?

– Нет, я спал сном праведника, пока Юрий Вадимович меня не разбудил, не велел за вами бежать.

– А другие люди, живущие в доме, тоже не проснулись?

– За всех не скажу, я только с дочерью говорил, да с Клавдией. Они вроде не слышали.

– Ладно, там, на месте, все узнаю, – пробормотал сыщик, и дальше они шли молча.

Еще когда они только приблизились к усадьбе Егоровых, подошли к воротам, уже стало заметно, что в доме что-то случилось и его обитатели не спят: почти все окна, обращенные к воротам, были ярко освещены. Машины «Скорой помощи» во дворе еще не было, и Гуров порадовался этому обстоятельству: если хозяин усадьбы в сознании, можно будет с ним поговорить.

Когда сыщик поднялся на второй этаж и вошел в спальню, он убедился, что Вадим Егоров пришел в себя. Он все еще лежал на диване, но глаза его были открыты. Он сразу заметил сыщика и протянул к нему руку. Гуров подошел.

– Лев... Лев Иванович, хорошо... что вы пришли... – запинаясь, еле слышно пробормотал хозяин усадьбы. – Мне нужно... успеть рассказать...

– Я вас внимательно слушаю, Вадим Александрович, – отвечал сыщик. – Хотя если вам трудно говорить, то можно наш разговор отложить на потом.

– Я боюсь, что никакого «потом» уже не будет, – все так же тихо произнес Егоров. – А рассказать надо. Так что вы садитесь и слушайте. Значит, дело было так. Как вы советовали, мы с Юрой легли спать в одной комнате. В присутствии сына я чувствовал себя уверенней и заснул без снотворного, довольно рано – еще двенадцати не было. Спал крепко, не просыпался, пока меня внезапно что-то не разбудило. Я проснулся и сел на кровати...

– Вы не можете сказать, что именно вас разбудило? – прервал его рассказ Гуров. – Это был какой-то звук? Или свет? Или еще что-то?

– Не могу сказать, – отвечал Егоров. – Нет, кажется, ничего такого не было, ни звука, ни яркого света. Погодите, не перебивайте, дайте мне рассказать до конца. Значит, я сел в кровати, оглядел спальню. Все было тихо, Юра спал на диване. Я взглянул на часы – они показывали начало четвертого. Все было спокойно, и я уже решил снова лечь, когда вдруг увидел за окном свет...

– За каким окном – вот за этим? – спросил Гуров, указывая на окно, выходящее в парк.

– Да, за этим. У нас всю ночь горит свет возле ворот, так что какой-то свет возле дома есть. Но в парке никакие фонари не горят, с этой стороны всегда темно. А теперь я увидел, что там что-то мигает. Серии вспышек, понимаете? Это походило... В юности я увлекался радиodelом, изучал азбуку Морзе. Так что я сразу подумал о морзянке и стал читать эти вспышки. И оказался прав: это была именно морзянка. Кто-то раз за разом посылал мне в окно сигнал: «Помоги мне...» И еще раз: «Помоги, мне плохо...» Я встал, шагнул к окну... И там, на лужайке под самым окном, увидел Юлю...

Вадим Егоров замолчал, закрыл глаза, откинулся на спинку дивана. Юрий склонился над ним:

– Папа, тебе плохо?

– Ничего страшного, сынок, ничего страшного... – тихо прошептал Вадим Александрович. – Просто не по себе... Но сейчас все пройдет, и я смогу рассказать до конца. Я хочу все рассказать до конца, чтобы Лев Иванович смог разобраться, что здесь происходит...

Он выпрямился на диване и снова открыл глаза.

– Да, я хочу все рассказать до конца, – уже громче произнес он. – Значит, было так. На лужайке под окном я увидел Юлю. Но на этот раз она уже не была как живая. Она была одета в какие-то лохмотья, какие никогда не носила при жизни. Сквозь дыры на одежде было видно тело. И все это тело, и одежда тоже были в крови. А когда она повернула ко мне лицо, я увидел на нем страшные струпья. А самое ужасное

состояло в том, что у нее не было глаз.

– Как это не было глаз? – удивился Гуров. – Чем же тогда она смотрела?

– А она и не смотрела, – отвечал владелец усадьбы. – Она просто стояла, обратив ко мне лицо. А потом сказала: «Видишь, Дима, какая я стала? Это все ты виноват. Знаешь, где я сейчас? Я сейчас в аду, Дима. И ты там будешь, и наш сын тоже...»

Владелец усадьбы замолчал и снова откинулся на подушки.

– А дальше? – нетерпеливо спросил Гуров. – Что еще она сказала?

– Больше ничего, – отвечал Егоров. – Только это. Мне и этого хватило. Голова у меня закружилась, я начал падать. Цепляясь за занавески, за угол стола, добрался до кровати и упал на нее. Тут, к счастью, проснулся Юра. Вскочил, подбежал ко мне, стал спрашивать, что случилось. Ну я ему сказал... в общих чертах. Он побежал, разбудил Клавдию, она сделала мне укол... Вот, в общем, и все.

– Скажите, – спросил сыщик, – а кто светил фонариком? Кто подавал вам сигналы азбукой Морзе? Ваша жена?

– Юлия? Нет, это не она. У нее в руках ничего не было, никакого фонарика. И потом, она не владеет азбукой Морзе. Это передавал кто-то... тот, кто ее послал...

– О ком вы говорите? – удивился сыщик.

Вадим Егоров повернул голову и взглянул ему прямо

в глаза.

– Но ведь она сказала, откуда она сейчас пришла, – напомнил он. – Она сказала, что пришла из ада. Значит, ее послал хозяин ада...

– Понятно... – пробормотал Гуров. – Мы вступаем в область потустороннего... Но скажите мне еще одну вещь. У вас очень хорошее зрение?

– Вообще-то не жалуясь, – отвечал Егоров. – Мне кто-то говорил, что из меня вышел бы отличный охотник. Я неплохо вижу в темноте, вообще зрение хорошее.

– Понятно... И все же ночью, со второго этажа, увидеть пустые глазницы, и струпья на теле, и кровь на одежде... Даже человеку, обладающему орлиным зрением, такое трудно. Вам не кажется, что большую часть из всей этой картины вы себе внушили?

– Нет, ничего я себе не внушил, я все это видел! – упрямо повторил Егоров.

– И слух у вас тоже хороший? Ведь вы слышали, что говорит... допустим, ваша жена, стоявшая внизу...

– Да, на слух я тоже не жалуясь, – подтвердил Егоров.

– Конечно, не жалуетесь, – согласился сыщик. – И все же услышать, что сказал призрак, стоявший там, под окном, вы никак не могли – если только этот призрак не кричал, как раненый зверь.

– Откуда же в таком случае я взял эти слова? – поинтересовался Егоров. – Откуда я знаю, что она говорила: «Я сей-

час в аду»?

– Возможно, вы их внушили себе на основании того сообщения, которое вам передали азбукой Морзе, – отвечал Гуров. – Честно говоря, только эта часть вашего рассказа не внушает никаких сомнений. Все остальное основано в значительной степени на внушении. Хотя вы и утверждаете, что у вас отличные зрение и слух.

– Да, слух и зрение отличные, – пробормотал хозяин усадьбы. – Вот только сердце слабое... Сердце никуда не годится...

Гуров хотел задать еще несколько вопросов, но тут послышался шум мотора, и в ворота усадьбы, которые управляющий предусмотрительно оставил открытыми, въехала машина «Скорой помощи». В передней слышались шаги медиков, голос управляющего, который кратко объяснял им, что случилось, и показывал, куда пройти. Пока медицинская бригада поднималась по лестнице, Гуров все же успел задать еще один вопрос:

– Скажите, а вы не заметили во дворе или за воротами еще одного человека?

– Какого человека? – удивился Егоров. – Нет, там больше никого не было. Только моя мертвая жена, прибывшая прямо из ада, и я, которому суждена дорога туда.

Тут подошли медики. Начались обычные медицинские процедуры: измерить давление, посчитать пульс, прослушать тоны сердца, проверить рефлексы... Сердечные шумы

доктору не понравились, и он заявил, что пациент нуждается в госпитализации. Впрочем, Егоров не возражал. Его положили на носилки, бережно спустили со второго этажа и поместили в «Скорую». Юра заявил, что он поедет вместе с отцом, будет за ним приглядывать. Так что спустя несколько минут в усадьбе не осталось никого из Егоровых. Уже светало, скоро должно было встать солнце.

Гуров подошел к окну. Вот сюда кто-то светил фонариком, передавал азбукой Морзе зловещее послание: «Помоги, мне плохо». Кто был этот человек, владевший азбукой Морзе? Теперь сыщику было совершенно ясно, что в этом деле есть еще один человек, сообщник Юлии Егоровой. И это не мог быть сын миллионера – он находился здесь, в спальне, рядом с отцом. Кто же этот второй участник?

– Кто ты, кто? – бормотал сыщик себе под нос, глядя из окна усадьбы.

Он понятия не имел, кто является вторым участником преступной группы. А еще он не знал, где сейчас находится Юлия Егорова и каковы ее дальнейшие планы.

«Этот человек, подававший сигналы, стоял за пределами лужайки – может быть, за розовыми кустами или за альпийской горкой, – размышлял Гуров. – Конечно, можно еще раз вызвать криминалистов и осмотреть в этом месте каждый квадратный сантиметр. Но что это даст?»

Гуров был убежден, что такой осмотр мало что даст. Преступник крайне осторожен. Он не станет курить и сыпать пе-

пел на траву, не бросит где-нибудь спичку или окурок. Он не оставит никаких следов. Если уж он умудрился придумать и повернуть фокус с расстиланием на берегу Волги мата, на который упала Юлия, а затем с быстрым и незаметным сворачиваем этого мата, то уж сейчас, когда ему надо было всего лишь посветить фонариком в окно, он не допустит огрехов.

Однако провести обследование места происшествия все же было необходимо. И Гуров достал телефон и позвонил капитану Соловьеву.

– Ты все спишь, капитан? – сказал он. – А спать нам некогда. Вадима Егорова только что увезли в больницу в Тольятти, и сын с ним уехал.

– Что опять стряслось? – спросил Соловьев. – Снова призраки?

– Да, снова наша знакомая мертвая хозяйка усадьбы, – отвечал Гуров. – Только на этот раз ее появление было обставлено более изощренно. Да я тебе лучше здесь, на месте, все расскажу. Приезжай, и своих экспертов прихвати. Надо проводить обследование места происшествия по всем правилам.

– Хорошо, мы будем через час, – коротко ответил Соловьев и отключился.

А Гуров спустился вниз и попросил у управляющего Безрукова пенную брызгалку, которой судьи обычно отмечают на поле место, откуда надо нанести штрафной удар.

– Я уверен, что у вас в хозяйстве где-нибудь есть такая

вещь, – сказал сыщик. – Ведь, как я понял, Вадим Александрович в молодости занимался волейболом, да и здесь иногда играл – мне Приходько говорил.

– Да, где-то должна лежать такая штука, – отвечал управляющий.

Он порылся в хозяйственных шкафах и вскоре вручил сыщику баллончик с пенистой жидкостью. Гуров взял баллончик и вышел во двор. Обошел усадьбу кругом и оказался под тем окном, из которого ночью смотрел хозяин усадьбы. Он не стал выходить на середину лужайки, а сначала постоял, прикинул, где мог располагаться призрак, который ночью так напугал Егорова. И, определив это место, ту точку, где предположительно располагалась «мертвая посланница ада», он обошел кругом, обозначая этот круг пеной из баллончика.

Закончив эту работу, сыщик взглянул на кусты, окаймлявшие лужайку. Откуда-то оттуда кто-то неизвестный светил фонариком в окно Егорова, будил его, передавал ему послание «из ада». Гуров определил предположительно это место и тоже пометил его пеной из баллончика. А затем вернулся в холл и стал ждать приезда полицейских.

Глава 11

Ждать ему пришлось не слишком долго – уже через четверть часа послышался шум мотора, и во двор усадьбы въехала полицейская «Веста». Из нее вышли капитан Соловьев и криминалист Суходольский.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – произнес капитан. – Может, расскажете, что здесь случилось?

– Конечно, расскажу, – отвечал Гуров. – Но сначала я бы хотел подвести итоги вчерашнего дня. Что удалось выяснить по первому посещению «призраком» этого дома? Чья кровь оказалась на ковре? Или это вообще не кровь?

– Нет, это была именно кровь, причем человеческая, – отвечал Суходольский. – Только принадлежит она вовсе не Юлии Егоровой. Это мы установили с полной точностью, после того как сравнили это пятно на ковре с данными Егоровой из ее медкарты, а также с данными крови ее сына. Совсем другой состав! Мало того: когда мы заново определили кровь, найденную на камнях под обрывом, то установили, что она тоже не принадлежит хозяйке усадьбы.

– Кому же в таком случае она принадлежит? – воскликнул Гуров. – Кто отдал не менее литра своей крови, чтобы создать достоверную картину смерти Юлии в результате падения с обрыва?

– Этого я вам сказать не могу, – последовал ожидаемый

ответ криминалиста.

– Да я понимаю, что не можете, – буркнул сыщик. – А что насчет женщины, найденной в реке? Удалось установить, кто она такая?

– Пока не удалось, – ответил Соловьев. – Но мы ищем. Уже послали запросы в соседние области, перебираем всех женщин, которые пропали в последний месяц.

– Это вы правильно делаете, – сказал Гуров. – Что ж, теперь можно заняться и свежими новостями.

И он рассказал коллегам то, что услышал от Вадима Егорова.

– Как видите, преступники все совершенствуют свой арсенал, – сказал он, закончив рассказ. – Теперь они пользуются световой сигнализацией, вооружились фонариком, и этот фонарик находится в руках человека, владеющего азбукой Морзе. А еще они освоили технику внушения. Ведь совершенно ясно, что Егоров не мог слышать слова, которые произносила женщина, стоявшая снаружи, под окнами. И не мог видеть ее страшную внешность – струпья на лице, отсутствие глаз... Это все ему было внушено.

– Но каким образом? – недоумевал Суходольский. – Кто-то должен был использовать гипноз. Но гипноз воздействует лишь на человека, который находится рядом с гипнотизером. И вообще, в наше время признано, что возможности гипноза сильно преувеличены.

– Я и не думал, что «призраки» использовали гипноз, – от-

вечал Гуров. – Скорее они могли использовать что-то вроде техники «25-го кадра» – демонстрировать хозяину усадьбы какие-то картинки, которые его сознание не успевало фиксировать.

– Что-то я ничего не понял, – признался Соловьев. – Какие картинки? Как их могли демонстрировать? Разве Егорову показывали кино?

– А может, и показывали, – предположил Гуров. – Возможно, на лужайке под окнами не стояла никакая женщина. А там имелся экран, на который проецировали заранее сделанную запись.

– Ну это вы загнули, Лев Иванович! – сказал капитан, покачивая головой. – То, что вы рассказываете, предполагает такой высокий уровень техники... И всю эту технику нужно сюда доставить, собрать, подключить к сети... Кто все это делал? Кто управлял этой аппаратурой? И куда она потом делась?

– Хорошие вопросы, – заметил Гуров. – Особенно они хороши тем, что я на них не могу ответить. Но я вижу факты, понимаете? Факт состоит в том, что миллиардер Егоров подвергся целенаправленному внушению. Значит, имелся кто-то, кто такое внушение осуществил. А дальше уже начинается область предположений. Аппаратура, подключение, «25-й кадр» – это все, конечно, мои предположения. Хорошо, предложите другое объяснение того, что случилось в усадьбе этой ночью. Будем проверять все версии – и мою, и другую,

которую предложит кто-то из вас.

– Я вижу пока что только один достоверный момент – это то, что один из преступников использует азбуку Морзе, – сказал Соловьев. – Довольно редкое умение в наши дни.

– Да, все эти точки и тире сейчас не пользуются особой популярностью, – согласился Гуров. – А еще они стали усиливать тему потусторонних сил, тему ада, в который якобы попала Юлия Егорова.

– Что ж, в таком случае, чтобы поймать этих злоумышленников, есть надежный способ, – заметил криминалист Суходольский, который был склонен к юмору. – Надо, чтобы кто-то из нас отправился в ад, нашел там Егорову и снял с нее показания. Я видел фильм, где героиня, инспектор полиции, так и делает. И в результате...

– И в результате нам придется открывать полицейское отделение в преисподней, – закончил за него Гуров. – Это что, и есть ваше объяснение, которое лучше моего, с использованием аппаратуры для внушения? Ладно, хватит шутки шутить, пора дело делать. Пойдемте, я покажу место, где эта милая парочка, Юлия Аркадьевна и ее неизвестный нам помощник, проводили сеанс воздействия на Вадима Егорова.

Они обогнули дом и вышли на лужайку. Увидев обведенный пеной круг, криминалист удовлетворенно хмыкнул, открыл свой чемоданчик, достал оттуда прибор, который в полиции для простоты именовали «кровавый рентген». Включил этот прибор и с ним в руках стал обходить круг, нарисо-

ванный Гуровым на траве.

Так он ходил не менее получаса и закончил свое путешествие в центре круга. После чего вышел из круга, убрал прибор и сказал:

– Да, здесь кто-то стоял. Но это все, что я могу сказать. Этот человек стоял босиком, и он не оставил следов на траве. Но это был человек, а не зрительный образ на экране, не фантом. За это я могу ручаться, и моя аппаратура это показывает.

– А крови здесь нет? – спросил Соловьев.

– Крови нет, – подтвердил Суходольский. – А что это за пенный след возле кустов?

– Я предполагаю, что там стоял второй сообщник, который светил фонариком в окно, – ответил Гуров. – Возможно, он не только фонарик использовал, но и более сложную технику. Но об этом я ничего не знаю, это только мои предположения.

– Фонариком? Это интересно... – произнес Суходольский и направился к кустам.

На изучение позиции владельца фонарика (которого никто не видел) криминалист потратил больше времени, чем на исследование круга на лужайке. Он ложился на траву и светил на нее своим прибором; он залезал в кусты и осматривал каждую ветку. Наконец он закончил свои исследования, закрыл чемоданчик и заявил:

– Нам очень повезло, что этот человек носит такой спор-

тивный костюм. Будь там что-то гладкое, прочное – и у нас в руках ничего бы не было. А так я нашел две нитки.

– Две нитки?! – воскликнули хором Гуров и Соловьев.

– А я ничего не заметил! – признался Гуров.

– А я не видел, как вы их убрали в пробирку, – признался Соловьев.

– Ну на то я и опытный работник, чтобы все делать незаметно, – отвечал на это Суходольский. – Да, я нашел на кустах две крошечные нитки. Предполагаю, что человек с фонариком оставил эти следы, когда продирался через кусты уже после «представления».

– А зачем ему было продираться? – пожал плечами Соловьев. – Когда «представление» закончилось, он мог спокойно выйти из кустов и удалиться. Никто бы его не увидел. Владимир Егоров лежал без сознания, его сын хлопотал возле него, в окна никто не смотрел...

– Но ведь сообщники не могли этого знать, – ответил Гуров. – А вдруг кто-то из живших в доме все же выглянул из окна? Тогда вся их затея со «сценой из ада» пошла бы прахом. Нет, человек с фонариком должен был уйти сквозь кусты, а их толщина здесь достигает двух метров. Вот на этих двух метрах он и оставил свои нити. Какой вы все-таки молодец, Павел Викторович, что заметили эти нити. Вот что значит настоящий профессионализм! Значит, вы говорите, что это нити от спортивного костюма?

– Да, судя по всему, это нити от спортивного костюма, до-

вольно дорогого, – ответил Суходольский. – Костюм черного цвета, ткань типа «флис», произведен... Где произведен, я пока не знаю, но это как раз узнать можно. Так, что у нас еще здесь остается неизученным?

– Ничего, – отвечал Гуров. – Вы осмотрели все. Теперь я с нетерпением буду ожидать результатов изучения этих двух нитей.

– С нетерпением – это потому, что про Юлию мы все знаем, а этого человека не знаем? – спросил Соловьев.

– Не совсем так, – отвечал Гуров. – Я с нетерпением буду ждать результатов анализа, потому что мне кажется, что этот человек в дорогом спортивном костюме является главным в этой паре. Это он придумал всю эту затею с прыжком с обрыва, с появлениями Юлии Егоровой в роли призрака. Он – настоящий убийца, а Юлия Егорова – только исполнитель при нем. И мне хотелось бы как можно скорее узнать, что это за человек, как его зовут и где он прячется. Да, капитан, кстати, насчет «прячется». Ты можешь завтра приехать в компании десятка оперативников? Надо бы прочесать лес за оврагом, тот район, где Юрий и Ксения видели незнакомца.

– Хорошо, завтра я сформирую оперативную группу, и мы проверим весь лес, – пообещал Соловьев.

После этого он зашел в дом, поговорил о ночном эпизоде с управляющим Безруковым, со слугами, снял с них показания. Потом они с Суходольским уехали. А Гуров принял-

ся ходить по усадьбе. Он зашел в дом, поднялся в кабинет Егорова, выглянул там из окна. Потом проделал то же самое в комнате Юрия. Затем спустился вниз, попросил у управляющего ключ от кладовой и спустился в эту кладовую. Затем снова полез наверх – но не на второй этаж, а сразу на чердак. Здесь он увидел ту же картину, что уже видел во многих богатых домах – наверху, под крышей, стояли сундуки, наполненные детскими игрушками, в которые когда-то играл Юра Егоров, сдутыми волейбольными мячами и прочим столь же «нужным» инвентарем. Правда, здесь сыщик нашел и кое-что интересное. Повсюду лежал слой пыли, но в нескольких местах этот слой был нарушен – здесь явно кто-то ходил. А еще создавалось впечатление, что здесь размещали какие-то ящики или коробки. Поставили, а потом убрали. Но что это были за коробки, и были ли они вообще, или сыщик их выдумал – это оставалось неизвестным.

Когда Гуров во второй раз спустился на первый этаж, управляющий, которого разбирало любопытство, спросил:

– Вы что-то конкретное ищете, Лев Иванович? Может, ищете место, где мог бы кто-то укрыться? Чтобы выходить по ночам и пугать Вадима Александровича?

– А что, интересная гипотеза, – отозвался на это Гуров. – Что ж, такую возможность мне также надо было проверить. Проверить – и исключить из рассмотрения...

– Я вот с самого начала подумал о том, что кто-нибудь мог бы попробовать спрятаться в доме, – сказал Безруков. –

И я осмотрел те же самые места, что и вы: чердак, подвал, кладовку... А еще ходил в парк, осмотрел сарай у задней ограды, в котором садовник Николай держит свои инструменты. И гараж осмотрел заодно. Но нигде не увидел следов того, что кто-то здесь прятался.

– Вот и я таких следов не нашел, – признался Гуров. – Да я и не думал, что «призрак» прячется в кладовке – это было бы слишком просто, примитивно. Но мне надо все проверить. И потом, когда всерьез занимаешься каким-то делом, надо ознакомиться с обстановкой, проникнуться духом дома, хорошо себе представлять, куда какие двери открываются, сколько шагов от холла до гостиной, сколько ступенек на лестнице, которая ведет на второй этаж...

– Но теперь вы наконец все осмотрели? – спросил управляющий. – Прониклись духом нашего дома?

– Проникся вполне достаточно, – отвечал сыщик. – Но еще остается парк. Так что я, с вашего разрешения, прогуляю по нему.

– Вы сами понимаете, что вам мое разрешение не требуется, – сказал управляющий. – Хотя формально я вроде сейчас здесь главный, замещаю хозяев, но это ведь недолго. Вот вернутся из Жигулевска Вадим Александрович и Юрий Вадимович, и кончится мое начальство.

– А я надеюсь, что Вадим Александрович в ближайшее время сюда не вернется, – сказал сыщик. – Ему будет лучше остаться в больнице. Да, кстати, хотел вас вот о чем спро-

силь: это у вас сознательно так заведено, что на половине всех окон в доме задвижки не закрыты?

– Как не закрыты? – всполошился Безруков. – Где?

– Да вот здесь, на первом этаже, окно в коридоре, – указал Гуров. – А еще в комнате, где живет Николай, и в столовой, и на кухне. А на втором этаже – в кабинете Вадима Александровича, а также в его спальне и в комнате Юрия...

– Сейчас я все проверю, все закрою, – заверил управляющий. – Никто этого не заводил, конечно. Просто жара стоит, люди ночью окна открывают. Днем-то кондиционеры работают, а ночью Вадим Александрович предпочитает кондиционер выключать, на ночь окна открывают. Ну и забывают запереть. Но это, конечно, непорядок. Хорошо, что вы это заметили и сказали, сейчас я все исправлю.

И управляющий поспешил закрывать окна, ставить задвижки на место. А Гуров повернулся и отправился гулять по парку. При этом он размышлял о только что сделанном им открытии – об этих самых открытых задвижках. «Кому потребовалось их отодвигать, понятно, – думал он. – Конечно, этому незнакомцу с фонариком. Теперь ясно, как «призрак» Юлии Егоровой проник вчера в дом, а потом так же легко исчез. Но кто отодвинул задвижки? Может быть, у двоих сообщников есть и третий помощник? Кто-то внутри дома? Может, это как раз наш милый управляющий, с которым я только что беседовал?»

Впрочем, он решил отложить этот вопрос на потом, за-

няться задвижками позже, а пока исследовать парк. Сыщик ходил по нему долго, обошел каждый квадратный метр. Оценил и цветники, и ровные дорожки, и небольшой искусственный прудик с золотыми рыбками, и розарий, и дубовую рощу... Казалось, что он ходит просто так, для своего удовольствия, что его ничто конкретно не интересует. Однако это было неверно. У сыщика была одна конкретная цель. И, пройдя по парку около часа, он эту цель нашел. В дальнем углу парка, за сараем с инструментами (сарай этот был стилизован под маленький рыцарский замок), он обнаружил участок ограды, который был разрезан, а края просто приставлены друг к другу. В любой момент можно было отодвинуть кусок ограды и войти из леса в парк, минуя ворота.

Гуров проделал обратную операцию: отодвинул ограду и вышел из парка. Здесь он обнаружил узкую, едва заметную тропинку, уходившую в лес. Сыщик двинулся по ней, надеясь найти убежище незнакомца, светившего фонариком в окно спальни Егорова. Тропинка некоторое время шла в сторону Волги, и Гуров стал надеяться, что вскоре выйдет к обрыву. Но затем тропинка резко сузилась, стала едва заметной, а потом уперлась в плотную стену кустарника, и как сыщик ни искал ее продолжение, так ничего и не нашел. Пришлось возвращаться обратно.

Когда он снова оказался на лужайке перед домом, там его ждал управляющий Безруков.

– Я весь дом обошел, все окна проверил, – доложил он

сыщику. – Все оказалось так, как вы сказали. Половина окон в доме стояла нараспашку! Но я все закрыл. И я знаете что подумал, пока ходил и все закрывал? Я подумал, что это все неспроста, что этими окнами могли воспользоваться те люди, которые стараются Вадима Александровича в гроб загнать! Ведь что проще: подошел к окну столовой, толкнул створку – и залезай. Ночью в столовой никого нет, никто тебя не увидит...

– Интересная мысль, – похвалил Гуров управляющего. – И кто же, по-вашему, открывал эти задвижки?

– Да они же, злодеи, и открывали! – объяснил Безруков.

– Это, конечно, понятное объяснение, – согласился сыщик. – Только тут есть одна неувязка. Злодеи находятся за стенами дома. А чтобы отодвинуть задвижку, надо находиться здесь, внутри. Понимаете? Значит, у этих злодеев есть союзник в доме. Кто же он?

Управляющий опешил. Было заметно, что такая мысль не приходила ему в голову. Но сыщик не стал ждать, когда Игорь Безруков закончит размышлять. Он помахал управляющему рукой и пошел прочь из усадьбы Егоровых. Он считал, что и так пробыл здесь слишком долго. Так что Гуров направился назад, к дому Кости Приходько.

Самого Приходько дома не было – он с утра как направился на рыбалку, так еще не возвращался. А Гуров с сожалением подумал о том, что из-за трагедии в доме Егоровых он уже два дня остается без рыбалки и что его отпуск таким

образом срывается. «А как хорошо все начиналось! – подумал Гуров. – Наконец у меня был нормальный отпуск, когда я не думал ни о каких преступлениях, ничего не расследовал. По соседству жила такая интересная, дружная семья Егоровых... И вдруг все оборвалось. Дружная семья оказалась клубком змей, а мирный отдых с рыбалкой превратился в сплошную погоню за преступниками. Вот так оно бывает в нашей профессии...»

Впрочем, сыщик не слишком об этом жалел: задача, которую поставила перед ним трагедия Егоровых, стоила пропущенной рыбалки. Истории, подобной этому падению с обрыва, со смертью и последующим воскрешением покойницы, ее появлением в образе «посланницы ада», в его послужном списке еще не было.

Лиза Приходько, увидев вернувшегося Гурова, сразу озаботилась тем, что гость еще не завтракал и что надо его накормить.

– Костя где-то через час должен вернуться, – сказала она. – Тогда и обедать сядем. А пока давайте я вас драниками угощу. Мы с Костей утром драниками завтракали, и там еще много осталось. Сейчас, я их только разогрею, и можно на стол подавать. Вот сметана, тут варенец... А вы мне тем временем, может, расскажете, что у Егоровых на этот раз случилось?

– Почему нет, могу и рассказать, – отвечал Гуров, садясь за стол. Он только сейчас осознал, что сегодня еще не зав-

тракал, с утра крошки во рту не было, и есть хочется страшно. – Правда, потом придется еще раз все это Константину пересказывать...

Эта мысль застала Лизу врасплох.

– А ведь верно, – сказала она, – так нехорошо будет. Ладно уж, давайте вы мне ничего не будете говорить. Лучше я вместе с мужем эту историю послушаю. Ничего со мной не случится, если я часок эти новости не узнаю. Расскажите за обедом.

– Согласен, – кивнул Гуров. – Тогда и поговорим.

Глава 12

Все сложилось, в общем, так, как обещала Лиза. Спустя час вернулся с Волги Константин, принес пойманную щуку и двух карасей. Сели обедать, и тогда, за обедом, Гуров рассказал обо всем, что случилось в усадьбе Егоровых ночью и что он потом узнал утром: о сообщении, которое передавали сонному Вадиму Егорову азбукой Морзе, о призраке, стоявшем на лужайке под окном и сообщившем, что он (то есть она) находится в аду. А также о том, как криминалист Суходольский обследовал место, где орудовал «призрак», и обнаружил на кустах две нитки от спортивного костюма.

– Таким образом, убийцы сегодня ночью сделали следующий ход в своей партии, – закончил сыщик свой рассказ. – Обратите внимание: они действовали так же, как я и ожидал. Они стремятся запугать Вадима Егорова до смерти, вызвать у него инфаркт или инсульт, чтобы затем завладеть его состоянием. Кстати, Константин, а ты ведь мне не говорил, чем, собственно, владеет Егоров. Как говорят в мире капитала, «сколько он стоит»?

– Ну точный размер его состояния мне неизвестен, – отвечал Приходько. – Но кое-что я знаю, и знаю от самого Вадима. Зимой, как ты, наверное, понял, их семья живет в Москве, но иногда они и зимой сюда наезжают. И вот как-то уже в феврале Вадим приехал в усадьбу один, без жены.

Как я понял, у них там вышла какая-то размолвка, и он попросту сбежал сюда, на Волгу. Он мне тогда сказал, что приехал погулять по дубовым лесам и покататься на лыжах. Он тогда действительно целый день катался, а вечером пригласил меня к себе, и мы устроили такой мальчишник, совсем без женщин. Он навез с собой всякой вкусной еды, какой-то особый коньяк... Вот, мы сидели, вспоминали юность, общих знакомых... И тогда, среди всего прочего, он сказал, что недавно ему еще раз улыбнулась удача – акции его компании резко подорожали, и его состояние перевалило за два миллиарда. Так я узнал, что мой друг – миллиардер.

– Да, неплохой куш, ради него стоит постараться, – заметил Гуров. – Можно и с обрыва кинуться, и призрак изобразить. Вот только азбуку Морзе вряд ли убийцы стали специально ради такого дела учить. Этот навык, мне кажется, у кого-то из них имелся уже давно. Причем этот «кто-то» – точно не Юра Егоров, ведь он во время «сеанса с призраком» находился в доме. Нет, там был другой человек. Но кто?

– Знаешь, Костя, кого я сейчас вспомнила? – внезапно произнесла Лиза. – Начальника вашего конструкторского бюро, Карманова. Вот кто завидовал Вадиму и даже не скрывал этого. Помнишь, как он пытался ему помешать запатентовать свое изобретение? Как потом ему палки в колеса ставил? Вот кто всегда ненавидел Егорова лютой ненавистью.

– А это интересно! – заметил Гуров; он даже вилку отло-

жил, есть перестал, настолько его заинтересовали слова Лизы. – Вообще я думал, что мне надо составить перечень всех, кто мог ненавидеть Егорова или завидовать ему. Так что этот ваш... Как вы его назвали?

– Карманов Игорь Евгеньевич, – ответил за жену Костя Приходько. – Да, Лиза права: Карманов Вадима ненавидел. Так что он мог что-то такое сделать...

– Да ладно вам! – Лиза всплеснула руками. – Я ведь просто так этого вашего Игоря Евгеньевича вспомнила. Ведь сколько лет с тех пор прошло! Двадцать или тридцать?

– Двадцать семь, если точно, – ответил Константин.

– Вот видишь? Не может человек столько лет жить одной ненавистью. Карманов, поди, уже и забыл, кто такой Вадим...

– Не скажите, Елизавета Петровна, – покачал головой Гуров. – Ненависть – чувство очень живучее, словно какой-нибудь клещ. Можно сказать, что время над ним не властно. Ненависть и желание отомстить – очень сильные двигатели многих отвратительных поступков. А где живет этот ваш Карманов? Может, где-нибудь далеко?

– Ничего не далеко, в Тольятти он живет, – отвечал Приходько. – Живет, насколько я знаю, скромно, на одну пенсию. Да, и если уж речь зашла об Игоре Евгеньиче, то он тот самый человек, который мог бы светить в окно Егорова азбукой Морзе. Я точно знаю, что он ею владеет.

– Вот и еще одно попадание в яблочко! – воскликнул Гу-

ров. – Так, дайте-ка я запишу данные этого вашего бывшего начальника. Значит, Игорь Евгеньевич... А лет ему сколько?

– Ну он на три года старше Вадима и меня, – сказал Приходько. – Мы с Вадимом одногодки, нам сейчас по 63. А ему, стало быть, 66. Совсем еще молодой пенсионер...

– Хорошо... – протянул Гуров, оформляя запись в блокноте. – И, раз уж я начал этот список «ненавистников», кого мы еще могли бы туда поместить?

Константин задумался.

– Да нет, пожалуй, больше никого не нужно, – наконец заключил он. – Ведь я уже тебе говорил: Вадим не похож на обычного богача, который всегда одеяло на себя тянет. Он человек щедрый, готов всем помогать. За это его уважают и в администрации Жигулевска, куда относится наш район, и в Самаре. Это уважение даже в мелочах проявляется. Вот его сейчас увезли в Тольятти. Уверяю тебя: там его положат в лучшую больницу, а в ней – в отдельную палату, которой пользуется при помещении в больницу сам глава города. Нет, кроме Карманова, я других ненавистников Вадима назвать не могу. Хотя, конечно, в течение долгой жизни каждый человек совершает те или иные неловкие поступки, и кто-то к нему плохо относится, но чтобы ненавидеть – нет, других людей я не припомню.

– Что ж, хватит мне пока и этого человечка, – сказал Гуров. – Завтра же скажу капитану Соловьеву, чтобы проверил этого пенсионера. Где он находился в последние дни? Вдруг

окажется, что ваш бывший начальник на своем катере курсирует возле наших берегов?

После обеда стали обсуждать дальнейший план отдыха Гурова в доме Приходько. Сам сыщик считал, что после инцидента с Юлией Егоровой его отдых в этих местах закончился. Однако ни Константин, ни Лиза так не думали.

– Вот сегодня у вас что – много работы? – спрашивала Лиза. – Мне кажется, нет. Надо ли дежурить в усадьбе Егоровых, ждать появления «призрака»? Мне кажется, не надо. Зачем этому призраку сегодня появляться? Кого пугать? Разве что горничную с поваром. А если злодеи устроят себе выходной, то и вы можете устроить себе выходной. Вон сходите с Костей на вечерний клёв. Иногда там бывает богатый улов.

– А пожалуй, я с вами соглашусь, – сказал сыщик. – Действительно, сделаем себе выходной.

И они с Приходько начали готовить снасти к вечерней рыбалке. Однако в итоге оказалось, что Лиза права и что Гурову было не суждено отдохнуть в этот вечер от расследования. Он уже представлял, как будет сидеть в лодке, наблюдая, как гаснет закат, как принесет домой небывалый улов, когда у него зазвонил телефон. Сыщик услышал голос капитана Соловьева.

– Я, собственно, чего звоню? – сказал капитан. – Вы мне велели завтра организовать прочесывание леса за Большим Буераком. Но получилось так, что сегодня вечером четверо

оперативников свободны и могут заняться проверкой этого леса. А завтра их, скорее всего, ушлют на другое задание. К тому же у меня есть новость, которой я хотел бы с вами поделиться. Так что можно я сегодня подъеду?

– Конечно, можно, чего спрашиваешь? – отвечал Гуров. – Привози своих парней, привози свою новость. Я вас жду.

– Едем! – сказал капитан и отключил связь.

Вот так и получилось, что на вечернюю рыбалку Константин Приходько снова отправился один, без друга. А Гуров оделся для долгого похода по лесу и сел ждать Соловьева. Тот появился уже через полтора часа. С ним приехали четверо крепких ребят из оперативной службы. Во главе этого отряда из шести человек Гуров отправился к Большому Буераку. Они перешли через овраг, и Гуров объяснил оперативникам задачу.

– Предположительно, где-то здесь преступники организовали себе тайное убежище, – сказал он. – Его мы и должны найти. Это может быть шалаш, или землянка, или какой-то навес. Попутно мы изучаем состояние лесных дорог, смотрим, не ездил ли здесь в последнее время какой-либо транспорт. Прочесываем полосу в сто метров вдоль оврага, потом дальше, дальше... Думаю, дальше двух километров нам заходить не нужно. За дело, ребята!

И прочесывание подозрительного участка началось. Оперативники знали свое дело, они не раз выполняли подобные задания в других местах, учить их было не нужно. Они не бо-

ялись ни глубоких оврагов, ни крутых склонов, ни зверей, ни людей. Поиски продолжались до темноты, около четырех часов. И весь район, намеченный Гуровым, был проверен. Каков же был итог?

В нескольких местах были найдены шалаши, как видно сделанные недавно. Но те, кто строил эти шалаши, не оставили после себя никаких следов. Там не было ни выброшенных пустых бутылок, ни банок, ничего такого. Гуров надеялся, что они найдут землянку: капитальную землянку, в которой можно ночевать. Но ее не было.

Зато на дорогах часто встречались следы шин внедорожника. Кто-то ездил здесь, оставлял машину, уходил куда-то по делам. «Вряд ли это грибки, – подумал Гуров. – Они на джипах не ездят».

К десяти вечера операция «Прочесывание» была свернута, и все ее участники оказались за столом в доме Приходько, где Лиза накрыла на шесть человек нехитрый, но вкусный ужин, состоявший в основном из жареной рыбы. Оперативники наелись рыбы, остались очень довольны, сели в свою машину и уехали. А Соловьева Гуров попросил задержаться. Лиза как раз заварила чай, и за чаем Гуров спросил капитана:

– Ты мне что-то сообщить обещал. Сказал, что у тебя есть новость, которой ты хотел бы поделиться. Что за новость?

– Новость вот такая, – отвечал Соловьев. – Она касается той женщины, тело которой мы вчера нашли в реке. Так вот,

я выяснил, кто она. Зовут ее Аня Финогентова. Возраст – 43 года. Она человек с образованием, с музыкальными задатками. Преподавала в музыкальном училище в Тольятти по классу вокала. Впрочем, все это в прошлом. У Анны Федоровны произошли неприятности в личной жизни – от нее ушел муж. Этого удара она не выдержала, начала пить. А это дело такое, сами знаете: начать легко, остановиться трудно. Пропила все деньги, с работы ее уволили... Последний месяц об Анне Финогентовой никто не слышал, никто не знал, где она. И вот теперь мы знаем.

– Ты установил, что с ней случилось? – спросил Гуров.

– Криминалисты отрицают насильственный характер ее смерти. Никто не бил ее по голове, не душил, не связывал. Она просто упала в воду и утонула. А вот случайно она упала или нарочно бросилась, желая покончить с жизнью, неизвестно.

– Где это произошло?

– Как ни странно, на этот вопрос наши специалисты смогли ответить, – сказал Соловьев. – Дело в том, что состав волжской воды в разных местах разный. И вода, попавшая в легкие Финогентовой в самом начале и вызвавшая ее смерть, характерна как раз для района Тольятти. Таким образом, в моем отчете будет написано, что преподавательница вокала бросилась в воду в районе родного города и утонула.

– Когда это произошло?

– Старцев говорит, что это случилось не то восемь, не то

девять дней назад.

– И каким же образом тело, попавшее в воду в районе Тольятти, оказалось у нашего берега, на двенадцать километров ниже?

– В этом как раз нет ничего удивительного, – отвечал Соловьев. – Здесь сильное течение, тело могло принести сюда этим течением.

– «Ничего удивительного, ничего удивительного», – насмешливо повторил сыщик слова капитана. – У таких, как ты, вообще ничего удивительного нет. Все события легко объясняются естественными причинами. А разве не удивителен тот факт, что тело оказалось в районе, где мы вели поиски утопленницы, как раз в тот момент, когда эти поиски были в самом разгаре? Ведь тело несчастной преподавательницы могло унести еще ниже, и мы бы о нем никогда не узнали. А я считаю, что это не простое совпадение. И точно так же не простое совпадение, что в нашем районе, в малопосещаемом лесу, в последнее время вдруг стал часто останавливаться джип. Что он здесь забыл? И почему владелец этой крутой тачки ведет себя так культурно, так заботится о природе – ни одной спички не бросит, ни одной пустой банки? Опять скажешь, что это совпадение, что такой культурный любитель природы попался? Или этот человек тщательно следит за тем, чтобы не оставлять следов?

Капитан, на которого Гуров насел со своими вопросами, не знал, что говорить. Впрочем, сыщик, видя его затрудне-

ния, махнул рукой.

– Ладно, капитан, – сказал он, – не бери в голову. Я сам не знаю, как на эти вопросы ответить. Итак, один пункт, о том, кому принадлежит найденное в реке тело, мы выяснили. За вашими экспертами остался важнейший вопрос о нитках ткани, найденных на месте, где стоял специалист по азбуке Морзе. И к этому я сейчас добавлю еще одно задание. В Тольятти живет скромный пенсионер Игорь Евгеньевич Карманов. В прошлом он возглавлял конструкторское бюро, в котором трудились и мой друг Костя Приходько, и знакомый тебе Вадим Егоров. Так вот: надо выяснить, где был Игорь Карманов в последние дни. Если он сиднем сидел в своей квартире, никуда не выезжал из Тольятти – значит, это ложный след, мы им больше не занимаемся. Пусть себе сидит тихо, рыбалкой занимается. А вот если окажется, что все последние дни Игорь Карманов находился непонятно где – тогда надо выяснить, где именно он находился и чем занимался. Задание понятно?

– Что же тут непонятного? – отвечал Соловьев. – Значит, у нас появился подозреваемый? Этот самый Карманов?

– Пока что этот пенсионер еще не подозреваемый, а кандидат в подозреваемые, – отвечал Гуров. – А нам было бы неплохо на этой стадии расследования иметь подозреваемого. А то мы кого-то ищем, а кого – неизвестно. Да, я забыл тебя спросить – ты Юрию Егорову говорил о найденном в реке теле?

– Пока что не говорил, – отвечал Соловьев. – И, мне кажется, теперь это уже не имеет такого значения. Ведь сейчас мы точно знаем, что найденный труп – это не тело его матери. И опознавать тут ничего не нужно.

– Тут ты прав, капитан, – согласился Гуров. – Иногда промедление приводит к лучшему результату, чем торопливость. Вот мы еще помедлим – и посмотрим, что будет завтра.

Глава 13

После того как две ночи подряд Гурову не давали спать до утра, будили ни свет ни заря и требовали бежать в усадьбу Егоровых, он был готов к такому пробуждению и в третью ночь. Но нет, ничего такого не произошло. Сыщик проснулся утром, побрился и спустился к завтраку, который успела приготовить Лиза.

– Ну, сегодня, я думаю, ты сможешь наконец отправиться со мной на рыбалку, – сказал ему Константин. – Егоровых дома нет, а значит, и случиться там ничего не может. Твое расследование пока подождет, а мы с тобой принесем домой по паре хороших лещей.

Однако сыщик не спешил соглашаться на предложение друга.

– Ты все правильно говоришь, Константин, – сказал он. – Однако кое-какие дела в усадьбе у меня все же есть. Например, меня не оставляет ощущение, что я недостаточно исследовал лес в том месте, где кто-то неизвестный проделал лаз в парковой ограде. Там тропка исчезла в лесу, и я не стал ее искать. А напрасно! Перед сном я думал об этом, и сейчас уверен: тропа имела продолжение, просто преступник это продолжение постарался спрятать. Если я найду продолжение тропы, может быть, узнаю, каким образом «призрак» попадает в усадьбу. И в конечном счете – смогу поймать это-

го «призрака». Так что я все же отложу рыбалку на потом, а сейчас отправлюсь в усадьбу.

– А почему ты так уверен, что преступник ходил этим маршрутом? – спросил Приходько. – Ведь эту тропу могли протоптать кабаны – их в нашем лесу тьма-тьмушая. Или грибники могли там ходить...

– А пролом в парковой ограде тоже грибники проделали? – вопросом на вопрос ответил сыщик. – Или кабаны? Нет, этот пролом проделал человек, и проделал с определенной целью – чтобы он мог в любой удобный момент попасть в парк незамеченным.

– Значит, ты считаешь, что преступник живет где-то неподалеку от усадьбы Егоровых? – спросил Приходько. – Иначе почему он так часто ходит в этом месте?

– Да, я убежден, что у него есть какой-то шалаш или домик здесь, неподалеку, – отвечал Гуров. – Мы его до сих пор не нашли, но это не значит, что такой базы нет. И сегодня я хочу попробовать ее найти.

И хотя супруги Приходько еще некоторое время уговаривали его изменить свое решение и отдохнуть, сыщик остался непреклонен. И после завтрака собрался и пошел к усадьбе Егоровых. Подходя к усадьбе, он сообразил, что ворота должны быть заперты, а стало быть, ему придется пробираться к щели в заборе вдоль ограды парка. Там все густо заросло, это усложняло его задачу. «Наверное, придется звонить, будить Безрукова, – решил Гуров. – А не хочется...»

Однако, когда он подошел к самым воротам, с удивлением заметил, что калитка открыта. А войдя во двор, он увидел джип Егоровых, стоявший возле гаража. «Что же это все значит? – размышлял сыщик. – Отец с сыном вернулись из больницы? Или только один Юрий приехал?»

Во всяком случае, теперь он не мог просто взять и отправиться на осмотр щели в заборе и тропки за этой щелью: надо было войти в дом и выяснить, что изменилось за ночь. И Гуров открыл дверь и вошел. Первым человеком, которого он увидел, была дочь управляющего, Ксения Безрукова. Она спускалась со второго этажа, вид у нее был печальный, даже, можно сказать, заплаканный.

– Доброе утро, – поздоровался Гуров. – Позвольте узнать, что у вас тут случилось?

– Так, ничего особенного, – отвечала девушка с деланной беспечностью. – Просто у Вадима Александровича вдруг резко изменилось отношение к Юре, у них была... не скажу, что ссора, но объяснение. Никогда у них не было такого резкого разговора, как сегодня. Главное, ничто не предвещало такого поворота! И вдруг... Теперь Юра собирается уезжать в Москву. Ну и я, наверное, тоже поеду. Здесь мне делать нечего. Так что я собираю вещи. Через час папа отвезет нас в Тольятти, оттуда мы поедem в Москву.

– Подождите минуту собраться, – попросил ее Гуров. – Буквально минуту подождите и объясните мне ситуацию. Когда Егоровы вернулись? Когда отец с сыном успели поссо-

ряться? Из-за чего?

– Нет, это за одну минуту не объяснишь, – заявила Ксения. – Вы лучше папу спросите, он в курсе. Он в гараже возится.

Гуров снова вышел из дома и направился к гаражу. Там он действительно обнаружил управляющего, который стоял возле своей машины. Гуров знал, что у Егоровых, кроме джипа, имелась и вторая машина, «Вольво», она стояла в другом гараже. Но сейчас управляющий возился не с ней, а почему-то со своим стареньким «Рено».

– Добрый день, Игорь Сергеевич, – приветствовал его сыщик. – Я уже видел вашу дочь и с ее слов понял, что за ночь у вас много изменилось. Может быть, вы расскажете мне, что случилось? Почему Егоровы решили вернуться – ведь Вадим Александрович до этого собирался задержаться в больнице? И из-за чего отец с сыном успели поссориться?

Управляющий с кряхтением вылез из-под капота «Рено» и принялся вытирать руки, запачканные маслом. Видно было, что говорить на эту тему ему не очень хочется. Но ответить на вопросы сыщика было необходимо, и Безруков сказал:

– Да, они вернулись поздним вечером, почти ночью. Дело в том, что Вадиму Александровичу не захотелось оставаться в больнице, он заявил, что чувствует себя достаточно хорошо и нечего ему делать в чужом месте. Как мне передавал его слова Юра, отец заявил, что в больнице ему неуютно, ху-

же, чем дома. В результате вечером Юра мне позвонил, и я за ними съездил. Вернулись мы не очень поздно, еще двенадцати не было. Все было спокойно, легли спать. Причем Вадим Александрович был против того, чтобы Юрий ложился в его спальне; сказал, что никаких ужасов больше не ожидает, что время призраков закончилось...

– Прямо так и сказал? – уточнил Гуров.

– Да, я это слышал своими ушами, – отвечал управляющий. – Я еще удивился, подумал: с чего он взял, что все плохое осталось позади? Но спросить не решился. Легли спать.

– А ночью опять раздались крики, и все сбежались на помощь к Егорову-старшему? – попробовал Гуров дать прогноз дальнейших событий.

– А вот и нет, – отвечал Безруков. – Ночь прошла спокойно, без криков. Но что-то этой ночью все же произошло. Потому что утром, едва рассвело, Вадим Александрович прошел в кабинет и вызвал туда сына. И там у них состоялся, судя по всему, бурный разговор. Иногда они переходили на крик, и тогда остальные, находившиеся в доме, кое-что слышали. Но большей частью они говорили сдержанно.

– Так и что тут особенного? – удивился Гуров. – Отец с сыном сдержанно поговорили, почему же из этого надо делать драму?

– Да потому, что Юрий Вадимович, как только вышел из кабинета, тут же нашел Ксюшу – ну, мою дочь – и заявил ей, что уезжает в Москву. Ну и Ксения, естественно, заявила,

что едет вместе с ним. Потому что сюда она приехала вроде как моя дочь, вроде как вместе с отцом – но на самом деле она приехала из-за Юры. У них роман уже с год как начался. Раньше она сюда приезжала, только когда совсем маленькая была. Тогда она при мне находилась. А теперь – при Юрии Вадимовиче. Так что естественно, что и уезжать с ним хочет. Вот я свою машину готовлю, чтобы завтра их везти. Юрий Вадимович специально попросил, чтобы я на своем «Рено» их отвез, папиной машиной не пользовался. Вот что тут особенного. Или вы и теперь скажете, что ничего особенного в этом не видите?

– Нет, теперь не скажу, – отвечал сыщик. – Скажу, что имеет место ЧП. Значит, все дело в содержании разговора отца с сыном. А еще в том, что предшествовало этому разговору, что случилось ночью. И вы совсем ничего не знаете, о чем они говорили?

– Нет, меня в кабинет не приглашали и под дверьми я не стоял, так что откуда я могу знать? – отвечал управляющий.

– Но ведь вы говорили, что иногда отец с сыном переходили на крик? – напомнил сыщик. – Что всем было слышно, что они говорили в этот момент. Хотя бы об этом можете сказать? О чем они кричали?

– Да, тут кое-что сказать можно, – согласился Безруков. – О чем кричали... В первый раз это было, когда речь шла о деньгах. Юрий закричал: «Я давно не мальчик, имею право

принимать решения, в том числе в области бизнеса! И если ты меня не пускаешь к управлению собственной компанией, то я имею право управлять своей!» После этого минут десять они снова говорили тихо, а затем уже все услышали крик Вадима Александровича: «Но почему ты мне ничего не говорил? И откуда у тебя взялись эти деньги? Откуда?!» Но что ответил Юрий, мы не слышали. Вот, собственно, и все.

– Значит, отца с сыном рассорили деньги... – задумчиво произнес Гуров. – Но почему речь зашла о деньгах? Я еще раз спрошу: когда вы вечером везли их сюда из больницы, разговора о деньгах еще не было?

– Нет, ничего такого даже близко не было! – воскликнул управляющий. – Между ними шел такой сердечный, обычный разговор. Пару раз коснулись Юлии Аркадьевны, ее трагедии, говорили о будущих похоронах, как их организовать, кого пригласить, но старались на этой теме долго не останавливаться.

– Может быть, вечером, до того как Вадим Александрович лег спать, ему кто-то позвонил и передал какую-то информацию о сыне, которая его взволновала?

– Вряд ли так могло случиться, – отвечал Безруков. – Ведь приехали мы все-таки поздно, около полуночи. И Вадим Александрович сразу пошел спать. А я знаю, что на ночь он всегда отключает все телефоны, чтобы ему никто не мешал. И потом, если бы такой важный звонок раздался в последнюю минуту, когда он уже ложился в постель, он бы

не стал откладывать разговор с сыном на утро, он бы позвал его тогда же, вечером.

– Да, все логично, что вы говорите... – медленно произнес Гуров. – Значит, информация о денежных проблемах пришла рано утром... Или все-таки ночью? В любом случае узнать об этом я могу только от кого-то из них – либо от отца, либо от сына.

– С Юрой вам будет встретиться проще – он сейчас должен сюда подойти, – сказал Безруков. – Нам уже надо спешить, иначе к поезду на Москву не успеем. Только, мне кажется, Юра на эту тему говорить не будет – не такой он человек. Ведь в таком случае получится, что он на отца вроде как жалуется. А он этого никогда не делал и делать не будет. Так что лучше вам прямо идти к Вадиму Александровичу. Вы с ним люди одного поколения, похожего положения, вам беседовать проще.

– А я и там, и там попробую, – заявил Гуров. – Вот, кстати, и Юра идет. Попытаюсь замолвить словечко.

Действительно, к гаражу направлялись младший Егоров и Ксения. Юрий выглядел очень сосредоточенным, как человек, решающий в уме какую-то сложную задачу. Сыщик подошел к нему, поздоровался и попробовал заговорить о причине внезапного отъезда. Однако сын хозяина усадьбы решительно оборвал неначавшийся разговор.

– О том, как и почему, вам будет лучше у папы спросить, – сказал он. – А то я что-нибудь лишнего наговорю,

и еще неизвестно, как вы это истолкуете. А он владеет всей полнотой информации. Он вам и нарисует полную картину, как она есть. Да к тому же у меня и времени на разговоры нет – нам ехать надо. Так что до свидания, надеюсь еще увидеться.

И он, не дожидаясь ответа, отвернулся от сыщика. Погрузил вещи в багажник, усадил Ксению, сел сам. Управляющий Безруков взглянул на Гурова и только руками развел: «Видите, я же вам говорил!» Затем он сам сел за руль, мотор заурчал, машина выкатилась за ворота и покатилась прочь. Через минуту она уже скрылась за деревьями. А Гуров покачал головой и вошел в дом. Теперь ему было просто необходимо разговаривать старшего Егорова, вызвать его на откровенный разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.